

«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»

**Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова**

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА

БУ ВО «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО
ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»**

**Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова**

**Сургут
Издательский центр
2025**

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)я43
Р765

Издается по решению
Редакционно-издательского совета СурГУ

Редакционная коллегия:

Севостьян Игоревич Веселов,

ответственный редактор

(канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Денис Валериевич Кирилук

(канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Анастасия Александровна Кузнецова

(канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Александр Иванович Прищеп

(д-р ист. наук, профессор кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)

Р765 **«Российское могущество прирастать будет Сибирью...»** : сборник статей Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти И. П. Захарова ; ответственный редактор С. И. Веселов; Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ СурГУ, 2025. – 70 с.

В сборник научных статей включены материалы исследований студентов, магистрантов, аспирантов и известных ученых города Сургута, которые представили результаты изучения вопросов политического, социально-экономического и культурного развития Сибири в доиндустриальную эпоху, период становления индустриального общества, а также в новейшее время.

Издание адресовано учащимся и студентам учебных заведений, научным сотрудникам, учителям школ и преподавателям вузов, работникам архивных, музейных учреждений и всем гражданам, интересующимся прошлым Югры и Западной Сибири.

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)я43

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
-----------------------	---

Раздел I

СИБИРЬ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI–XIX ВЕКА)

Курносов В. В.

Бардаково княжество XIV века – 1619 года	6
--	---

Имасова К. Ю.

Участие купцов Корнильевых в строительстве Николаевской церкви в селе Аремзяны Тобольской губернии (1768–1851 годы)	13
--	----

Галлямова Л. В.

Влияние предпринимательской инициативы на развитие коневодства в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX веков	17
--	----

Степаненкова З. В.

Быт сибирского крестьянина середины 60-х годов XIX века в работах В. В. Берви-Флеровского	21
--	----

Просвиркина В. В.

Благотворительная деятельность предпринимательниц Тобольской губернии (на примере тюменской купчихи Е. И. Бурковой)	26
--	----

Зяблицева Е. Ю.

Деятельность миссионерских школ на территории Тобольского Севера как форма просвещения инородцев во второй половине XIX века	30
---	----

Кокшарова М. В.

К вопросу об организации судоходства в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX века	34
--	----

Яковчук В. А.

Роль женского труда в хозяйственной жизни Тобольского Севера в конце XIX века (по воспоминаниям политссыльных)	38
---	----

Раздел II

СИБИРЬ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Кирилюк Д. В.

Формирование системы контроля за работой школ Ямало-Ненецкого национального округа в 1930-е годы	43
---	----

Шкаревский Д. Н.

Правовое регулирование деятельности специальных коллегий (1934–1938 годы)	47
---	----

Раздобреев О. В.

Развитие сети колхозно-совхозных театров в Западной Сибири в 1930–1940-е годы	51
---	----

Прищепина А. И.

Югорское краеведение: возвращение к истокам	56
---	----

<i>Сердюков Д. В.</i> О судьбе имущества КПСС в Северо-Западной Сибири в период роспуска партийных структур	59
<i>Кутакова Е. С.</i> Ялуторовский музейный комплекс в составе Тюменского музейно-просветительского объединения	64
<i>Сведения об авторах</i>	69

Введение

Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Российское могущество прирастать будет Сибирью...», состоявшейся 18 октября 2024 г., посвящен неизвестным и малоизученным вопросам истории Сибири в Российской империи. Основное содержание статей раздела I связано с историей взаимоотношений автохтонного населения (угров и самодийцев) Бардакова княжества с Московским правительством, вопросами предпринимательской благотворительности в сферах социально-экономической и культурной жизни Тобольской губернии (образования, строительства сельских церквей и коневодства). Авторы раздела также отразили проблемы изучения крестьянского быта в трудах В. В. Берви-Флеровского и некоторые аспекты гендерной истории политической ссылки на Обском Севере.

Раздел II содержит анализ особенностей трансформации сибирского региона в условиях постреволюционных и социально-политических преобразований в 1930-е – начале 2020 гг. В статьях раздела исследованы вопросы, связанные с правовым регулированием специальных коллегий накануне и в период Большого террора, развитием сети колхозно-совхозных театров в Западной Сибири, деятельностью органов по контролю за работой общеобразовательных школ в Ямало-Ненецком национальном округе. Важное значение ученые придают становлению югорского краеведения, перераспределению имущества Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в период роспуска партийных структур, а также деятельности Тюменского музейно-просветительского объединения (на примере Ялуторовского музейного комплекса). Таким образом, авторы сборника статей проанализировали широкий спектр вопросов как истории Югры и Ямала, так и Западной Сибири в целом.

Раздел I СИБИРЬ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI–XIX ВЕКА)

УДК 957

Бардаково княжество XIV века – 1619 года

Курносов В. В.

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 22 имени Геннадия Федотовича Пономарева,
Сургут, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрена история Бардакова княжества, уникальность которого заключается в том, что оно обладало особым статусом во взаимоотношениях с московским правительством в начальный период вхождения в Русское государство. Автор затронул вопросы границ княжества, хронологических рамок существования, социального состава и причин утери признаков суверенитета.

Ключевые слова: остяцкие и вогульские княжества, Бардак, Сургут

Bardakovo principality of the XIV century – 1619

Kurnosov V. V.

*Municipal budgetary educational institution secondary school № 22
named after Gennady Fedotovich Ponomarev, Surgut, Russia*

Abstract. The article examines the history of the Bardakov Principality, the uniqueness of which lies in the fact that it had a special status in relations with the Moscow government in the initial period of its entry into the Russian state. The author touches upon the issues of the principality's borders, the chronological framework of its existence, social composition and the reasons for the loss of signs of sovereignty.

Keywords: ostyak and vogul principalities, Bardak, Surgut

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является одним из богатых с точки зрения природных ресурсов регионов России. Многогранна и история региона, изучение которой является важной задачей подрастающего поколения. Примечательный период югорского прошлого – так называемые остяцкие и вогульские княжества до и начала освоения Западной Сибири Русским государством. Особую актуальность эта тема приобрела в 2024 г., приуроченном к 430-летию основания города Сургута, хотя история города началась задолго до этой даты.

Специфика исторических исследований Западной Сибири, особенно периодов дорусской истории и начала русской колонизации, заключается в том, что ни один вид источников не может дать исчерпывающей информации по какой-либо проблеме. Связано это с тем, что на изучаемой территории до вхождения в состав Русского государства не сложилось своей письменной традиции, поэтому исследователи вынуждены привлекать весь комплекс письменных, археологических и этнографических источников.

В исследовании использованы такие письменные источники, как документы XVII в. по истории Сургутского уезда [4] и данные Сибирского приказа [13].

Археологические источники – результаты исследований археологов Уральского государственного университета В. М. Морозова и Ю. П. Чемякина, долгое время ведущих раскопки на археологических памятниках Сургутского Приобья [7], а также материалы раскопок городка Монкысь урий в бассейне р. Большой Юган под научным руководством О. В. Кардаша [9].

Этнографические источники – героические сказания и легенды обских угров, записанные и обработанные С. К. Паткановым в конце XIX в. [14]. И хотя в них описаны события, когда княжеств уже не существовало, эти источники можно использовать для реконструкции жизни хантыйского общества в дорусский период [7, с. 77]. Другой пласт этнографических материалов – это «предания о Тонье», посвященные жителям Бардакова княжества в изучаемый период. Предания о Тонье до сих пор существуют в устной традиции юганских и пимских хантов. В книге О. В. Кардаша «Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках» представлено 12 вариантов фольклорных сказаний о богатыре Тонье [10, с. 21–35].

Первым исследователем, который обратил внимание на Бардаково княжество в XVIII в., был «отец истории Сибири» Герард Фридрих (Фёдор Иванович) Миллер. Им была упомянута столица княжества, известная русским как «Бардаково городище», находившаяся при впадении р. Бардаковки в Среднюю Обь и представлявшая собой крепость-городок [12, с. 281]. Затрагивал тему Бардакова княжества исследователь конца XIX в. П. Н. Буцинский. Автор описал роль князя Бардака в покорении Пегой орды совместными силами русской администрации и союзных княжеств [2, с. 87–89]. В начале XX в. стали записывать предания юганских и пимских хантов, героем которых являлся богатырь Тонья (Танья, Танга). Впервые легенду об остяцком князе изложил, со слов юганских хантов, Александр Александрович Дунин-Горкавич. Современные исследователи связывают легендарного героя с реальным историческим лицом – Тонемой, или Кинемой, сыном Бардака [8, с. 36]. Большой вклад в изучение истории остяцких и вогульских княжеств внес Сергей Владимирович Бахрушин. На основе привлечения широкого круга делопроизводственных источников (ясачных книг, сыскных дел, отписок воевод в Сибирский приказ и шертных грамот) автором была воссоздана социально-политическая история княжеств аборигенов, в том числе и Бардакова княжества. Ученый С. В. Бахрушин раскрыл социальный состав населения княжества, выявил особенности взаимоотношений с русской администрацией, обозначил ключевые моменты истории [1, с. 69–71]. Исследователь сибирских народов Б. О. Долгих писал: «Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам город Сургут был основан на территории этого княжества» [6, с. 81]. Вопросы этнического состава княжества касалась в своем исследовании, посвященном селькупам, Г. И. Пелих. Ею высказаны аргументы о двухкомпонентном составе Бардакова княжества, где княжеская верхушка, прежде всего сам Бардак и его род, были самодийцы, а остальное население – хантыйское [15, с. 19–23]. С середины 50-х гг. начаты исследования Сургутского Приобья силами археологов Уральского государственного университета. В 1994 г. вышел коллективный труд, посвященный истории Сургута с древнейших времен и до сегодняшних дней. Достоинством работы является то, что авторы первой главы В. М. Морозов и Ю. П. Чемякин на основе этнографических и археологических источников воссоздали историю населения, проживавшего на месте Бардакова княжества в дорусский период. Авторами описаны основные хозяйственные занятия, жилища, одежда, экономические связи и социальный состав населения, которое, по их предположению, и вошло в состав княжества [7, с. 57–87]. Занимались проблемами военно-политическим образования хантов на средней Оби Е. В. Вершинин и А. Т. Шашков. Одной из тем исследования авторов было соотношение персонажей эпоса юганских и пимских хантов – Тоньи с Кинемой, сыном Бардака, руководителя антирусского движения в начале XVII в. [3–5]. Ученый Е. В. Вершинин пришел к выводу, что «для отождествления фольклорного героя Тоньи с историческим Тонемой Бардаковым есть веские основания» [3]. Проведенные раскопки городка Монкысь урий в бассейне р. Большой Юган под научным руководством О. В. Кардаша в начале XXI в. дополнили историю Бардакова княжества новыми археологическими данными. Согласно выводам автора, город оставался последним оплотом антирусского сопротивления, разгромленного в декабре 1619 г. История легендарного Тонемы получила свое археологическое оформление. Важные выводы автора касаются культурной принадлежности населения города. На базе фольклорных, археологических и некоторых документаль-

ных источников О. В. Кардаш определил данное население как жителей городков и селений Нижней Оби, не имевших генетических связей с аборигенным населением Большого Югана [9, с. 406]. Как показал историографический анализ, изучение Бардакова княжества насчитывает более 200 лет. На начальном этапе исследований авторы работ апеллировали в основном письменными источниками, что ограничивало круг решаемых вопросов. По мере включения в исторический оборот этнографических и археологических материалов, расширялась и проблематика исследований. Несмотря на достижения исторической науки, осталось множество неразрешенных вопросов, что связано со спецификой источниковой базы. По мнению автора статьи, исследования Бардакова княжества еще долго будут сохранять актуальность.

Вопрос о территориальных границах княжества Бардака носит дискуссионный характер. Историк С. В. Бахрушин, ссылаясь на Г. Ф. Миллера, писал, что последний видел развалины «Бардакова городища, в 30 верстах от Сургута, у впадения в Обь Тром-Югана» [1, с. 69]. Исследователь сибирских народов Б. О. Долгих отметил: «Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам город Сургут был основан на территории этого княжества» [6, с. 81]. Между тем Е. В. Вершинин недоумевал, что ссылки о локализации столицы княжества на работы Г. Ф. Миллера не находили подтверждения. Автор обратил внимание на то, что «в своих детальнейших путевых записках Г. Ф. Миллер, говоря о Тром-югане, ни словом не упоминает Бардака и его городок на этой реке, зато фиксирует речку Бардаковку вблизи Сургута» [3, с. 98]. По предположению Е. В. Вершинина, «локализация Бардаковой волости на Тром-югане восходит к карте конца XVII в. С. У. Ремезова “Чертеж земли Сургутского города”, где выше устья р. Тор-юган буквами обозначена “волость Барданкова”. В то же время речка Бардаковка расположена на этой карте недалеко от Сургута» [3, с. 98]. Исходя из предварительного вывода автора «территория дорусского “Бардакова княжества” простиралась от устья Тром-югана вниз до района собственно Сургута и далее по Оби (и/или Юганской Оби), захватывая часть бассейна Балыка» [3, с. 99]. Авторы коллективного труда «Древний город на Оби: История Сургута», заключили, что Бардаково княжество располагалось на территории современного Сургутского района [7, с. 74], что вполне может соответствовать выводам Е. В. Вершинина. С этим согласен и автор данной статьи.

Вопрос о времени существования княжества не менее сложный, чем вопрос о его границах. С датой прекращения существования княжества исследователи определились довольно точно. Не вызывает возражения позиция С. В. Бахрушина, согласно которой княжество окончательно потеряло независимость после восстания Канемы в 1619 г. [1, с. 70]. С этой датой соотносимы данные археологии. Так, О. В. Кардаш на основе анализа археологических материалов городка Монкысь урий пришел к выводу, что «он был захвачен и разрушен в конце осени – начале зимы 1619/1620 годов» [9, с. 404]. Проблема времени возникновения княжества вряд ли будет решена. Согласно письменным источникам, на момент прихода основателей г. Сургута 19 февраля 1594 г. Бардаково княжество уже существовало – русский город основан на земле хантыйского князя [4]. В связи с этим в решении вопроса датировки возникновения княжества исследователи могут рассчитывать на археологические и этнографические материалы либо на косвенные данные.

Необходимо обратиться к понятию «княжество». Как писал авторитетный специалист в этой области С. В. Бахрушин, «в связи с распадом родового строя у предков хантов и манси, их племенные объединения разбиваются на небольшие племенные княжества, возглавлявшиеся “князцами”» [1, с. 33]. Специфику власти князей раскрыл эпос хантов и манси, собранный С. К. Паткановым в XIX в. В легендах князь предстал властителем над своими подданными. Он вместе со своей дружиной совершал грабительские походы на соседей, отбивал нападения врагов, собирал дань мехами, в его распоряжении было лучшее вооружение, он мог позволить себе роскошь многоженства. Жили они в городках, укрепленных валом и частоколом [14, с. 35–37]. Исследователь С. В. Бахрушин считал, что многие князья

являлись главными служителями культа и контролировали торговлю всего княжества [1, с. 36]. О времени возникновения княжеств у специалистов нет единого мнения: одни считали, что они возникли в начале II тысячелетия, другие – на заре раннего железного века [7, с. 76]. В русских летописях югорские князья зафиксированы под 1193 г., в связи с походом новгородцев на Югру [1, с. 35]. В числе причин возникновения подобных военно-политических образований ученые выделили межплеменную вражду внутри аборигенного общества (война против всех), а также усилившийся натиск новгородцев с Запада и сибирских татар с Юга [1, с. 35].

На изучаемой территории, согласно данным археологии, в XIV–XVI вв. происходили изменения в жизни местного населения. Эти изменения зафиксированы на ярких памятниках: «Сайгатинский II», «Сайгатинский III», «Сайгатинский IV». Сам период истории области получил название «Сайгатинский». Археологи по наличию вкладах предметов роскоши, вооружения прибывших как из соседнего Предуралья, так и из Средней Азии, пришли к выводу о резком разделении общества на богатых и бедных. Богатства ближнего и дальнего импорта обменивали на меха. Аборигены переориентировали свою хозяйственную деятельность на добычу пушного зверя. Об этом могли свидетельствовать костные останки животных, найденные в селениях, и повсеместное применение в обиходе деревянной, берестяной посуды наряду с металлическими котлами (использование которых на охоте имело преимущества перед той же керамической посудой). Население начинало строить укрепленные городища вдали от пойм рек, что отразило беспокойную обстановку и попытки защитить накопившееся имущество. В начале II тысячелетия за Уралом появлялись местные мастера серебряного ремесла, что так же говорит о появлении военно-служилой прослойки дружинников князя, для которых эти изделия изготавливались [7, с. 77–80]. На основании этих фактов исследователи предположили, что «в первой половине II тысячелетия на этой территории существовало какое-то военное образование, верхушка которого в лице вождя и военной знати сосредоточила в своих руках большую власть и не малое богатство» [7, с. 81]. Возможно, это княжество и было тем княжеством, известное как Бардаково.

По вопросу об этническом составе Бардакова княжества до недавнего времени высказалось три мнения. Большая часть исследователей считала его хантыйским [11, 16, 17]. Историк Г. И. Пелих приводила аргументы в пользу того, что все население княжества было селькупским, считая его северным ответвлением расселения самодийского народа к концу XVI в. [15, с. 19–23]. Компромиссную позицию по данной проблеме занимал Е. В. Вершинин. Автор считал, что «если не все население Бардаковой волости, то ее княжеская верхушка (Бардак и его род) могли являться самодийцами» [3, с. 100]. Разность позиций исследователи связывали с тем, что в русских письменных источниках ханты и селькупы выступали под общим названием «остяки», и только в XIX в. последних стали именовать «остяко-самоеды».

По-новому взглянуть на проблему этнического состава Бардакова княжества позволили исследования О. В. Кардаша в начале XXI в. Автор на основе привлечения фольклорных, археологических и некоторых документальных источников пришел к выводу, что население княжества было выходцами из Нижнего Приобья. Исходной землей, где началось формирование населения княжества, автор видит в таежных областях Северо-Восточной Европы. Их миграции на основе семейных групп в Нижнее Приобье продолжались в XI–XIV вв. В XV в. или с рубежа XV–XVI вв. новый этнос начал активно продвигаться на восток и север: в среднее Приобье, в том числе на Большой Юган, а также в низовья Оби и далее на рр. Надым и Таз. Автор исключил миграции в южном направлении на Иртыш, так как данная территория контролировалась Сибирским ханством, которое в свою очередь было основным противником и конкурентом выходцам с Нижней Оби [9, с. 406]. Необходимо отметить, что в эпосе хантов Югана сохранились сведения о столкновениях с сибирскими татарами [10, с. 22]. В Среднем Приобье происходило формирование новой субкультуры с участием пришельцев и «местного автохтонного (угорского) компонента, который, вероятнее всего, могли представлять преимущественно женщины» [9, с. 405]. По мнению О. В. Кардаша, «первопоселенцы – основатели городка Монкысь урий – были этими выходцами с Нижней Оби, не имевшими генетических связей с аборигенным населением Большого Югана» [9, с. 406].

Социальный состав Бардакова княжества был таким же, как и в других остяцких и вогульских княжествах Западной Сибири. Как сообщает С. В. Бахрушин, во главе княжества находился князь. Власть князя в начальный период русского владычества была наследственной и передавалась от отца сыну. Но затем «русская администрация вмешивалась во внутренние порядки волостей и назначала иной раз князцов по-своему усмотрению» [1, с. 69]. Обычно княжеством управлял весь княжеский род. Было несколько князей (сыновья во главе с отцом). При каждом князе находился ясаул, в обязанности которого входило содействие сбору ясака. Он, в частности, должен был «выбивать» ясачных людей на промыслы. Однако еще С. В. Бахрушин сомневался, была ли эта должность пережитком дорусской эпохи или ее ввели при новой администрации [1, с. 69].

Следующую категорию в иерархии княжества занимали «лучшие люди» князя или служилые остяки. Это была дружина князя, ходившая с ним в походы. За это они были освобождены от уплаты ясака и имели право на часть добычи. Но если князь не вел боевых действий, служилые остяки должны были платить «поминки» шкурками пушных животных. «Поминки» – это своего рода полудобровольные пожертвования в пользу князя. За это служилых остяков называли еще «поминочными» [1, с. 43].

Основными налогоплательщиками княжества были так называемые ясачные остяки. Обычно это было население вновь присоединенных земель. В отличие от поминочных остяков, которые давали дар в пользу князя, будто бы на добровольной основе, ясачные люди обязаны были платить дань. В этом отношении они были подневольными плательщиками дани (ясака).

Самая бесправная категория населения княжеств – это рабы. Основным источником пополнения рабов были набеги на соседей. Были случаи, когда родители продавали своих детей в рабство во время голода [1, с. 43].

В специальной литературе утвердилось мнение, что г. Сургут был заложен на территории так называемого Бардакова княжества [2, с. 88–83]. Однако достоверно неизвестно, принял ли Бардак русское подданство в 1594 г., или это случилось немного ранее. Дело в том, что двумя годами ранее в Среднее Приобье ходили «войною» союзные русским остяки Коды во главе с князем Игичеем Алачевым. Поход был направлен на княжество нарымских селькупов – Пегую Орду [3]. Возможно, Бардак подчинился уже тогда. По данным источников, Сургут возводился силами казаков и местного населения [4]. После возведения деревянного острога Сургутской крепости Бардаку пришлось подчиниться. Легенда сохранила сведения о том, что князь Бардак не выдержал позора подчинения завоевателям и бросился в реку, которая в последствии получила название Бардаковка [7, с. 79]. Возможно, это произошло через несколько лет после основания Сургута, так как имя князя Бардака появляется в царской грамоте, составленной в Москве 31 августа 1596 г., адресованной сургутскому воеводе. Из текста грамоты ясно, что он лично сообщил воеводе О. Т. Плещееву о том, что «Кучум царь подкочевал к Пегой орде» и договаривается с нарымским князем Воней о совместном нападении на Сургут [5]. Этот документ проиллюстрировал, что как минимум с 1596 г. Бардак лояльно относится к русской администрации. Однако неизвестно, сводил ли он давние счеты с воинственным южным соседом или же выступал в интересах Российского государства.

Как отмечал С. В. Бахрушин, после подчинения русской власти «княжество Бардака» находилось на особом положении по сравнению с другими ясачными волостями Сургутского уезда [1, с. 69]. Бардак, находясь под властью Русского царя, фактически оставался независимым правителем, считаясь не князьком ясачной волости, а служилым князем. С его людей взимались «поминки» пушниной, а не ясак, которые были значительно ниже. Более того, он собирал ясак в свою пользу с подвластной ему самояди. По этому поводу С. В. Бахрушин писал, что «в 1595 г. сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому было предписано ему сказать “те люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и того, что ему и своими людьми владети”» [1, с. 69].

Такая милость со стороны русского царя давалась отнюдь не на безвозмездной основе. Как отметил С. В. Бахрушин, «в качестве вассалов московского государя Бардак и его сыновья обязаны были оказывать русским властям военную помощь» [1, с. 69]. Первой акцией, в которой участвовали и войны Бардака, была экспедиция против князя Пегой Орды Воня в 1597 г. Князь Воня в 1595 г. прогнал сургутских ясатчиков, явившихся к нему за данью. Воня «детей своих и людей в заклад не прислал и государева ясаку сполна не заплатил» [13, с. 209]. После военной экспедиции, Пегая Орда прекратила свое существование. Причем за эту экспедицию «лучшим людям» Бардака было выплачено жалование «наравне со всеми участниками, в том числе служилыми людьми – казаками и стрельцами» [9, с. 391].

В том же 1597 г. Бардаку было поручено привести под государеву руку кунную и асицкую самоедь, которая «человек с триста и больша, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе» [3, с. 102]. За что было обещано «великое жалованье» [1, с. 69]. Факт взимания регулярной дани Бардаком со столь отдаленных от него самоедов вызывал сомнения Е. В. Вершинина. Автор полагал, что речь шла о периодических набегах. Возможно, это была попытка князя Бардака проводить собственную политику по расширению сферы влияния за счет северо-восточных территорий, анонимно используя при этом поддержку Москвы и Коды [3]. Необходимо отметить, что указание Москвы о походе на Пур было выполнено только в 1601 г. Как отмечал С. В. Бахрушин, «русская администрация мало доверяла своему союзнику; Бардак должен был “послати в поход на тое самоедь братью и людей своих, а самому Бардаку в поход ходити не велети, потому что еще Бардак и сам не добре укрепился, велети ему у себя в городе да сыну его лучшему, да брату Бардакову быти в те поры в городе ж, для того, чтоб над государевыми людьми Бардак подводу не сделал”» [1, с. 70].

В письменных источниках не сохранилось сведений о Бардаковом княжестве в период с 1602–1615 гг. Далее сведения датированы с 1616 г. Они связаны с восстанием детей Бардака Кинямы и Суеты. В отправленном сургутскими воеводами Вельяминовым и Зубатой сообщении в Кетский острог говорится, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати» [12, с. 273].

Нападение на аганских, аслыпских, юганских остяков можно объяснить по-разному. Либо эти территории не были подвластны сыновьям Бардака, либо вышли из их подчинения, почувствовав ослабление княжеской династии и перемену отношения к нему Сургута [3, с. 103–104]. Причины открытого выступления остяков, по мнению Г. Ф. Миллера, крылись в «обиде» и «насильстве», чинившихся сургутскими воеводами и посылаемыми на них «войною служилыми людьми», которые грабили остяцкие юрты и брали «в полон» жен и детей [12, с. 288–289].

Восстание продолжалось до конца 1619 г. В ходе него отряды остяков под руководством сыновей Бардака напали на дощаник Третьяка Огородника и убили 9 человек в устье р. Турунганки, на р. Вах – на 6 каюков промышленных людей; было убито 17 человек. Нападения сопровождалась грабежами. Против восставших был направлен отряд из 50 человек под руководством Богдана Зубакина. Однако Кинема и его сторонники «побежали безвестно» [3, с. 103–104].

По Сибири ходили слухи, что государевы ясачные остяки подняли мятеж, стоят «в собранье 1 900 человек и хотят идти к Сургуту». Однако факт того, что Кинема не дав бой отряду из 50 человек, и «побежал безвестно», говорит о том, что широкой поддержки среди аборигенного населения Средней Оби восстание не получило. Ходили также слухи о нападении на томского воеводу, при котором убили его и около 60 служилых людей [3]. Занимавшийся этой проблемой В. Е. Вершинин доказал, что воевода Томска Бобарыкин никакому нападению не подвергался. Поводом к подобным слухам послужило реальное нападение Кинемы и его людей летом 1618 г. на казачью станицу, состоявшую из 6–8 человек. При этом было захвачено годовое жалование, перевозимое в томский гарнизон в размере 400 руб. Сумма по тем

временам весьма значительная, «поскольку самой большой монетой в XVII в. была копейка, то 400 руб. представляли 40 000 тыс. коп. в нескольких мешках» [3, с. 103]. Видимо, по представлениям аборигенов, обладатель такой суммы мог быть рангом не ниже воеводы.

Захват большой денежной суммы побудило власти Сургута перейти к решительным действиям. Против восставших был отправлен казачий отряд под руководством подьячего И. Афанасьева и новокрещеного толмача И. Парабельского. Сведения о финале антирусского движения Кинемы содержатся в грамоте 1624 г. о награждении Афанасьева и Парабельского за их заслуги, из которой понятно, что вместе с Кинемой в «измене» участвовал и Суета Бардаков, очевидно, его брат. Казаки «тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемину сына болшово и жену в полон взяли»; кроме того, удалось отыскать 400 руб., отобранных в свое время Кинемой у томских казаков [3, с. 106].

Дополнить краткие сведения письменного источника о последнем очаге сопротивления позволили археологические материалы раскопок городка Монкысь урий в бассейне р. Большой Юган под научным руководством О. В. Кардаша. Автор пришел к выводу, что «он был захвачен и разрушен в конце осени – начале зимы 1619/1620 годов» [6, с. 404].

К сожалению, документы и археологические материалы не прояснили информацию о судьбе самого Кинемы. Очевидно, что ему удалось избежать и гибели, и плена, иначе эти факты отразились бы в документе. Однако фольклорные предания позволили получить некоторые данные. Согласно четырем преданиям хантов об Тонье/Кинеме из двенадцати, он завершил свою жизнь в стойбище соплеменников, приняв от них смерть. Вероятно, так и произошло: потерявшего семью и последних сторонников Тонью/Кинему, скрывавшегося от русских властей, убили в какой-то из ясачных волостей [3, 8, 10].

Само восстание было использовано русскими властями как повод лишить княжество былой независимости. Все население Бардаковой волости с 1619 г. начало платить обязательные «поминки» в размере 2 руб. 25 алтын с человека. Однако причины перемены политики в отношении княжества назрели давно. Историк С. В. Бахрушин точно заметил: «После разгрома нарымских остяков, в борьбе с которыми русская власть нуждалась в помощи “бардаковых людей”, роль семьи Бардака была сыграна. После восстания 1619 г. уже ни о какой независимости не могло быть речи» [1, с. 70].

Литература

1. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935. 89 с.
2. Буцинский П. Н. Сочинения : в 2 т. / под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрик. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрыки, 1999. Т. 2 : Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 328 с.
3. Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. С. 98–110.
4. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. С. 114–128.
5. Вершинин Е. В. Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–32.
6. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 622 с. Т. 55. (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия).
7. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 336 с.
8. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. М. : Либерия, 1995–1996. Т. 1. 376 с. ; Т. 2. 432 с. ; Т. 3. 208 с.
9. Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам археологического исследования) : в 2 т. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Караван, 2015. Т. 1 : Археологические исследования. 448 с. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. V).

10. Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) : в 2 т. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Караван, 2015. Т. 2 : Источники и специальные исследования. 207 с. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. V).
11. Лукина Н. В. Об особенностях культуры отдельных групп хантов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 1978. С. 114–119.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. 3-е изд. М. : Восточная литература, 2005. Т. 1. 630 с.
13. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) : в 3 ч. М. : Университетская типография, 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. 421+XVIII с.; 1900. Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. I–IV+ 1–394 с.
14. Патканов С. К. Сочинения : в 5 т. / сост. Ю. Мандрика. Тюмень : Мандр и К°, 2003. Т. 5 : Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. 416 с. (Краеведческая библиотечка журнала «Лукич»).
15. Пелих Г. И. Селькупы XVII века : очерки социально-экономической истории. Новосибирск : Наука, 1981. 177 с.
16. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сб. М. ; Л. : АН СССР, 1952. Т. 18. Вып. 1. С. 88–107.
17. Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа : на материалах хантов и манси. М. : АН СССР, 1990. 207 с.
18. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. : в 2 т. / редкол. : А. А. Драйнюк [и др.]. М. : Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, 2003. Т. 1. Факс. изд. 115 с.

УДК 334.716:655.1(091)(571.12))

Участие купцов Корнильевых в строительстве Николаевской церкви в селе Аремзяны Тобольской губернии (1768–1851 годы)

Имасова К. Ю.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении церковной благотворительности тобольских купцов Корнильевых. Особое внимание уделено строительству, финансированию и обеспечению церковным имуществом церкви села Аремзяны. В статье представлен краткий обзор развития духовного образования одноклассной церковно-приходской школы при Николаевской церкви. Благотворительная деятельность купеческой династии Корнильевых в отношении церкви представляет собой типичное явление предпринимательской традиции российского купечества.

Ключевые слова: тобольское купечество, церковь, благотворительность, церковно-приходская школа

Korniliev merchant's participation in the construction of the Nicholas church in the village of Aremzyany Tobolsk province (1768–1851)

Imasova K. Yu.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The purpose of the article is to consider the church charity of the Tobolsk merchants Korniliev. Particular attention is paid to the construction, financing and provision of church property

to the church in the village of Aremzyany. The article presents a brief overview of the development of theological education of a one-class church parish school at the Nikolaevskaya Church. The charitable activity of the merchant dynasty Korniliev in relation to the church is a typical phenomenon of the entrepreneurial tradition of Russian merchants.

Keywords: Tobolsk merchants, church, charity, church parish school

Купеческому сословию XVIII–XIX вв. присущи черты патриархального менталитета и традиционного уклада жизни, а также характерно их участие в возведении и украшении православных церквей. Такая благотворительная деятельность являлась религиозной и социальной мотивацией для торговых людей. Основными сферами церковной благотворительности являлись строительство церквей, финансирование и обеспечение их всем необходимым для богослужения имуществом. В это время ведущая роль в благотворительной деятельности, как явлении общественной жизни Российской империи, принадлежала купцам-предпринимателям. Наиболее заметную роль в этом процессе сыграли местные купцы, в том числе тобольская купеческая династия Корнильевых. Потомственный предпринимательский род Корнильевых развивал фабричную промышленность на территории с. Аремзяны Тобольской губернии. В их владении развивалось стекольное и бумажное производство, кроме того купцы открыли первую частную типографию в Сибири. Корнильевы владели салотопенным производством, занимались винными откупами, подрядами на перевозку грузов и торговлей российскими и китайскими товарами в Сибири [1, с. 15].

Первая церковь в с. Аремзяны, была построена владельцем стеклянной фабрики Алексеем Яковлевичем Корнильевым. Строительство деревянной церкви происходило за счет частного пожертвования купцов Корнильевых и с благословением митрополита Тобольского и Сибирского Павла Конюсевича. Сооружение церкви было посвящено Святителю и чудотворцу Николаю, по данным С. Н. Мамаева, вероятно церковь была возведена в честь единственного сына и наследника основателя-владельца фабрики – Николая Алексеевича Корнильева [3, с. 8–9].

Строительство храма являлось затратной сферой благотворительности, вслед за возведением церкви встала необходимость обеспечения предметами для богослужения. Братья Корнильевы снабдили церковь святыми иконами, сосудами, крестами, богослужебными книгами, ризницею и другими необходимыми атрибутами.

Церковь была на полном попечении купцов Корнильевых, до 1808 г. они содержали церковные притчи на собственном иждивении, выплачивая священнику по 60 руб. в год. Однако с финансовым затруднением и угрозой разорения купцов, связанными с долгами Николая Алексеевича Корнильева и продажей бумажной фабрики, выдача жалования притчу была прекращена [3, с. 9]. Несмотря на это Корнильевы продолжали заботиться о благосостоянии сооруженного их предками храма и вместе с прихожанами оставляли пожертвования.

Николаевская церковь являлась приходской, ей было приписано десять деревень: Мало-Аремзянская, Почекунина, Корюшина, Черноногова, Чечигина, Клепалова, Потапова, Сирюкова, Еловка и Белая. Однако судя по сведениям, занесенным в «Памятную книгу», число прихожан было в малых количествах. Так, в 1821 г. в приходе числилось 63 двора с населением в 232 души мужского и 223 души женского пола, а к 1831 г. – 75 дворов с 260 душ мужского и 230 женского пола. Таким образом, в 1830 г. по Синодскому указу объявлялось, что Николаевская церковь с. Аремзяны в связи малочисленностью прихожан была упразднена. Впоследствии деревни и сама церковь приписывались к приходу Преображенской церкви в с. Преображенском, куда из Николаевской церкви были переданы средства в сумме 592 руб. 35 коп. [3, с. 9].

С переходом фабричного комплекса в руки нового владельца – Василия Дмитриевича Корнильева – попечительство в отношении священнослужителей было возобновлено. По его распоряжению управляющая фабрикой Мария Дмитриевна Менделеева завела для притч 33 десятины пашенной и сенокосной земли, а в 1838 г. построила напротив церкви двухэтажный дом для проживания.

Первая деревянная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, сооруженная при стеклянной фабрике, просуществовала до 6 апреля 1839 г., когда она по «неосторожности сторожа, затравившего в стену свечью», сгорела до основания вместе с колокольной. По некоторым данным, церковь начала гореть снаружи, поэтому крестьянам и управляющим фабричным комплексом удалость спасти церковное имущество [3, с. 9].

Сам владелец фабрики В. Д. Корнильев в то время проживал в Москве вместе со своей семьей, где занимал пост Коллежского асессора, поэтому все дела по управлению фабрикой он возложил на свою сестру Марию Дмитриевну и ее мужа Ивана Павловича Менделеева [1, с. 14]. После пожара встала необходимость реставрации храма, для этого Василий Дмитриевич поручил сестре ходатайствовать об образовании отдельного прихода. Найдя поддержку в лице брата и доверенных лиц из с. Аремзяны и смежных деревень, М. Д. Менделеева 13 ноября 1839 г. обратилась с прошением к Преосвященному Анастасию о разрешении построить вместо упраздненной и сгоревшей церкви новую каменную, названную во имя Воскресения Христова трех Святителей и Николая Чудотворца [3, с. 9].

Для финансирования строительства управляющая фабрикой предложила оставшиеся церковные суммы, а также деньги, которые хранились в Преображенской церкви. На постройку нового храма Корнильевы пожертвовали сумму в размере 335 руб. и заготовили строительные материалы, однако отмечалось, что в случае нехватки средств крестьяне с. Аремзяны и близлежащих деревень обязывались участвовать в пожертвованиях и содействии в построении церкви, ее украшении и содержании. Помимо этого, М. Д. Менделеева была обязана заниматься хлебопашеством и отдать кроме уже бывших в пользовании церкви 33 десятин земли еще «необходимое количество» земель, размер которого неизвестен [5, с. 9]. По итогу 30 октября 1841 г. М. Д. Менделеевой была дарована Благословенная грамота на строительство каменной церкви. И в 1842 г. ключарем Тобольского Софийско-Успенского собора, протоиреем Яковым Ивановичем Ласточкиным было объявлено о заложении новой церкви.

Говоря об оснащении храма богослужебными предметами и атрибутами, В. Д. Корнильев за собственные средства устроил в церкви трехпрестольный иконостас, с резьбой и позолотой в размере 900 руб. серебром, а также украшения со святыми иконами. В числе разных пожертвований М. Д. Менделеева принесла в дар Евангелие в зеленом бархатном переплете и три небольших колокола весом 6 пуд. По сведениям, занесенным в «Памятную книжку для Тобольской губернии на 1845 г.», итоговая стоимость церкви составляла 3 500 руб. [3, с. 9].

Пополнение храмового имущества и заботы о нуждах церкви сохранялись в руках купцов Корнильевых. В 1844 г. В. Д. Корнильев прислал из Москвы серебряную и позолоченную дарохранильницу, а также икону Смоленской Божьей Матери в серебряной и золотой ризе. В 1848 г. М. Д. Менделеева пожертвовала в серебряной и золотой ризе образ Николая Чудотворца, именуемого Можайским. Постоянно преображалось не только внутреннее убранство церкви, но и фасад. Например, в 1857 г. усилиями прихожан был исправлен купол, а в 1872 г. церковь была упрочнена железными связками, наконец, в 1874 г. она была покрыта вместо теса листовым железом [3, с. 10].

Кроме вышеуказанных пожертвований купцы Корнильевы преподнесли в дар для церкви синодик, напечатанный в типографии. Типография, открытая Василием Яковлевичем Корнильевым, имела статус первой типографии в Сибирском регионе, именно она положила начало книгопечатания в Сибири [2, с. 25].

Влияние церкви на социокультурную жизнь деревень начала XIX столетия проявлялось в ее участии и распространении грамотности населения. Этот процесс не обошел и Николаевскую церковь. Помимо попечительства и пожертвований купцы Корнильевы открыли школу грамотности при церкви. В современном понимании она выполняла функцию детского сада, где мастеровые и приписные крестьяне, отправляясь на фабричные работы, могли оставить своих малолетних детей. В этой школе крестьянские дети получали первоначальные навыки письма и счета, особую воспитательную роль выполняло изучение Закона Божьего. После переезда Корнильевых и Менделеевых в Москву школа была реорганизована. В Справоч-

ной книге Тобольской епархии есть сведения о том, что в 1885 г. с разрешения Епархиального училищного совета Тобольского уездного отделения школа была реорганизована в одноклассную церковно-приходскую школу. Церковно-приходская школа при Николаевской церкви преподавали элементарные знания по чтению, письму, счету, а также обучению детей Закону Божию [4, с. 27].

Однако покровительство купцов Николаевской церкви закончилось после пожара на стеклянной фабрике в 1848 г., масштабы пожара были велики, был сожжен практически весь фабричный комплекс. В 1850 г. владельцы обратились к министру финансов графу Вронченко, с прошением об увольнении фабричных людей в свободное состояние с переселением на казенные земли. Однако до второй половины 1851 г. В. Д. Корнильев оплачивал жалование церковнослужителям и осуществлял финансовую поддержку церкви. В начале 1880 г. земли, принадлежавшие Корнильевым, были проданы тобольским купцам А. А. Сыромятникову и братьям Смороденниковым [1, с. 14].

Благотворительность российских предпринимателей трактуется как типичное явление периода модернизации России пореформенного периода. Такая тенденция была характерна не только для столицы и культурных центров России, но и для провинциальных городов, в том числе сибирских. Основными сферами церковной благотворительности этого периода стали: строительство церквей, обеспечение богослужebным имуществом, а также развитие духовного образования начального этапа.

Предпринимательская династия Корнильевых является уникальной. С одной стороны, это классический купеческий род, для которого характерно вложение капитала в фабричное производство и торговую деятельность. С другой стороны, Николаевская церковь являлась частью промышленного комплекса со стекольной и позже бумажной фабриками. Такое расположение было обусловлено местом проживания рабочего населения данных предприятий, где те могли отдохнуть, помолиться, а некоторые из них оставить детей на воспитание, пока домочадцы работали на производстве. Помимо этого, для российского купечества и самих купцов Корнильевых характерны мода на благотворительность, поддержание имиджа представителей известного купеческого рода, показатель статуса и значимости в деловом мире Западной Сибири. Однако не исключен факт социокультурного регулятора, где Корнильевы, спонсируя строительство церквей и занимаясь их попечительством, преследовали желание служить общественному благу.

Литература

1. Имасова К. Ю. Династия тобольских купцов Корнильевых в XVIII – первой половине XIX вв. // Бизнес. Общество. Власть. 2023. № 47–48. С. 8–17.
2. Имасова К. Ю. Промышленные предприятия тобольских купцов Корнильевых: бумажная фабрика и типография // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практич. конф., Курган, 01–02 декабря 2022 г. / отв. ред.: Т. А. Лушникова, Д. Н. Маслюженко. Курган : Курганский государственный университет, 2022. С. 25–26.
3. Мамаев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // ТГВ. 1890. № 21. С. 8–10.
4. Справочная книга Тобольской епархии. Ч. 1. Тобольск, 1913. С. 17–46.
5. Справочная книга Тобольской епархии. Ч. 2. Тобольск, 1913. С. 9–15.

УДК 336.76(091)(571.12)

**Влияние предпринимательской инициативы на развитие коневодства
в Tobolsk province во второй половине XIX – начале XX веков**

Галлямова Л. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена характеристике влияния предпринимательской инициативы на развитие коневодства в Tobolsk province. Рассмотрено возникновение обществ любителей коневодства и определена роль Тюменского общества коневодства в открытии первого в губернии ипподрома. Другим направлением реализации инициативы сибирских предпринимателей стало создание частных конных заводов. Сделан вывод о том, что деятельность сибирских предпринимателей способствовала повышению продуктивных качеств лошадей и экономическому развитию Tobolsk province.

Ключевые слова: Tobolsk province, предпринимательство, коневодство, ипподром

**The influence of entrepreneurial initiative on the development of horse breeding
in the Tobolsk province in the second half of the XIX – early XX centuries**

Gallyamova L. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the characterization of the impact of entrepreneurial initiative on the development of horse breeding in the Tobolsk province. The emergence of horse breeding societies is considered and the role of the Tyumen Horse Breeding Society in the opening of the first racetrack in the province is determined. Another area of implementation of the initiative of Siberian entrepreneurs was the creation of private stud farms. It is concluded that the activities of Siberian entrepreneurs contributed to the improvement of the productive qualities of horses and the economic development of the Tobolsk province.

Keywords: Tobolsk province, entrepreneurship, horse breeding, racetrack

Вторая половина XIX в. стала новым этапом в развитии коневодства в Российской империи как отдельной отрасли животноводства. Деятельность государства и частных лиц по разведению лошадей была обусловлена массовым использованием лошадей в качестве тяговой силы, средства передвижения и других [4, с. 33]. Активизация на рубеже XIX–XX вв. общественной и частной инициативы способствовала созданию в этой сфере ряда общественно-благотворительных организаций, к числу которых относились и общества коневодства, ставившие своей целью разведение породистых лошадей, необходимых в различных сферах: сельском хозяйстве, промышленности, армии, спорте и т. д. [5, с. 76]. В первую очередь подобные общества создавались в тех губерниях, где было зарегистрировано достаточное количество лошадей той или иной породы, и существовали конные заводы, нуждавшиеся в проведении конных испытаний, что стимулировало общественные усилия в области развития коневодства как для частных, так и для общегосударственных нужд. Можно предположить, что свою роль играл и «локальный патриотизм» торговцев-промышленников, старавшихся не уступить ни в чем своим коллегам из других регионов [14, с. 10].

В силу территориальных и экономических особенностей Сибири развитие племенного коневодства шло с отставанием от Европейской части России, начавшись фактически только во второй половине XIX в. При наличии большого количества поголовья лошадей в Tobolsk province, население которой занималось преимущественно сельским хозяйством, качество лошадей было низким, поскольку целенаправленная деятельность по улучшению породы

в крестьянских хозяйствах отсутствовала. В то же время преимущественно на юге губернии (в Курганском и Шадринском уездах) регулярно проводились «конные» и «мясные» ярмарки, на которых продавались тысячи лошадей. На Алексеевскую ярмарку в г. Кургане пригонялись в большом количестве «киргизские» лошади, стоимостью от 6 до 200 руб. каждая [7, с. 75].

С середины XIX в. в Тобольской губернии появляются и общественные объединения любителей коневодства, первым из которых считается учрежденное в 1867 г. Тюменское общество коневодства. Инициатором его создания был представитель тюменского купечества и городской голова П. И. Подаруев, который, будучи страстным любителем лошадей, занимался их разведением и закупкой, посещая для этого различные конные выставки. В состав общества входили крупные купцы: И. Иконников, К. Метелев, П. Ядрышников, С. Гилев, Е. Котовщиков и другие.

Именно Тюменское общество выступило с инициативой открытия в городе ипподрома, для чего городским органам власти было представлено прошение о выделении земли для его строительства. Положительное решение о выделении участка на Большом городище было получено, и тюменский ипподром был официально открыт 23 июня 1871 г. [16].

В день открытия ипподрома состоялись первые бега, в которых на дистанции в 3 200 м соревновались три лошади. Победителем забега стал жеребец Грозный, владельцем которого был Ф. Г. Колмаков. Вход на ипподром для членов Общества коневодства был бесплатным, а с остальных взималась плата, которая варьировалась в пределах от 25 коп. до 1 руб., а на полученные деньги создавался призовой фонд. Награды участники забегов получали разнообразные: денежные призы, ценные вещи, золотые жетоны. Разыгрывались и призы имени Московского бегового общества – 2 приза по 300 руб.; имени Великого Княжества Романовых – 1 500 руб. из средств Московского общества [8, с. 187]. Розыгрыш первого приза Императорского Санкт-Петербургского общества рысистого бега в 200 руб. для кровных лошадей, рожденных в России в 1894 г. и не бежавших на столичных ипподромах проходил 13 июля 1897 г. Всего на этот приз были записаны лошади: Э. Р. Вардроппера Нежная, П. И. Подаруева Майская роза, А. Ф. Колмагорова Наследник, А. М. Плотникова Араб [10].

С самого начала своей деятельности ипподром стал центром притяжения большого количества людей, в число которых входили не только специалисты в области коневодства, но и горожане, проводившие здесь свой досуг. Ипподром был рассчитан на 540 мест. Как правило, ипподром работал по воскресеньям, что способствовало привлечению многочисленных зрителей. В выходные дни проходило по два заезда, в каждом из которых участвовало около 20 лошадей. Информация о проводимых состязаниях находила свое отражение в местной прессе. Так, например, с 10 по 15 июля 1897 г. «Сибирская торговая газета» описывала бега, в которых принимало участие 23 лошади. Несмотря на довольно прохладную погоду, грязь и намечавшийся дождь, на бег собралось очень много публики, так что почти все места были заняты. Первое место взял конь П. А. Андреева Волосатый, пройдя дистанцию в 8 верст за 13 мин 10 сек [9]. При этом с 13 по 15 июля проходили добавочные бега на призы различных организаций (табл. 1).

Таблица 1

Расписание бегов в г. Тюмени 13 июля 1897 г.

Отделения	Вид приза	Требования к лошадям	Условия бега
1-е отделение	16-й приз от общества коневодства в 70 руб.	Для лошадей всех возрастов русской и киргизских пород	Дистанция в 5 верст без перебежки, хлыст допускается. Коренник должен идти рысью. Ехать в обыкновенном городском экипаже с двумя взрослыми седоками
2-е отделение	17-й приз от Государственного коннозаводства в 160 руб.	Для лошадей, рожденных в России не ранее 1893 г.	Дистанция в 3 версты. Поддужные и хлыст допускаются. Первая лошадь получает вещь и половину денег, а вторая – другую половину денег

Окончание табл. 1

Отделения	Вид приза	Требования к лошадям	Условия бега
3-е отделение	18-й приз от общества коневодства в 100 руб.	Для лошадей кровных и полукровных всех возрастов, рожденных в России	Дистанция в 3 версты без перебежки
4-е отделение	Приз в 500 руб. в честь почетного члена общества коннозаводства И. И. Воронцова-Дашкова	Для кровных и полукровных лошадей всех возрастов, рожденных в России	Дистанция в 1,5 версты. Каждая лошадь имела право бежать пять гитов, из них три обязательных. Между гитами допускаются 15-минутные промежутки. Хлыст и поддужные допускаются

Примечание. По материалам источника [10].

В период конных скачек составлялась программа беговых забегов на дни, в которые планировались бега. В табл. 1 представлены данные о четвертом дне беговых забегов, позволившие сделать вывод о том, что все лошади, принимавшие участие в бегах, должны были быть рождены в России, а значительную часть призового фонда составляли средства Тюменского общества любителей коневодства. Некоторые призы имели свой порядковый номер, а зрители активно пользовались тотализатором. Документы свидетельствуют о том, что общий доход 13 июля 1897 г. составил около 900 руб. [10].

Члены руководства ипподрома делили беговые заезды на сезоны, при этом сезон каждый год был разным в зависимости от количества участников и погодных условий. В 1898 г. зимний сезон закончился 11 января, при этом завершающие бега сезона привлекли большое количество гостей [11].

Для конца XIX в. Тюменский ипподром был прогрессивным по российским меркам сооружением, поскольку на нем раньше других стало практиковаться применение экипажей современного образца – качалок-американок, а также появилась американская сбруя. В то же время на большей части ипподромов страны все еще практиковались бега в русской упряжке с тяжелым хомутом над дугой, что значительно тормозило прогресс резвости рысаков. К началу XX в. на Тюменском ипподроме широкое применение получил тотализатор (в народе его называли «тотошка»), превращавший спортивные бега в азартную игру [15, с. 14].

Городские власти не оставляли ипподром без внимания, считая его важным общественным местом для организации досуга местных жителей. Так, на заседании Тюменской городской думы в начале XX в. было решено облагородить ипподром и привести в порядок деревянный павильон для зрителей, в котором находились ложи, балкон и галерея [16]. Стоит отметить, что предприниматели выставляли своих лошадей на бега, кроме этого нередко они создавали призовые фонды.

В ходе Гражданской войны произошел упадок ипподрома. В 1919 г. он был разграблен и фактически уничтожен колчаковцами, лишь в 1921 г. его здание удалось восстановить. В это же время вновь начало свою работу губернское общество улучшения коневодства, снова был открыт ипподром, а через год начал работать тотализатор [2, с. 90].

Другим направлением реализации инициативы сибирских предпринимателей стало создание частных конных заводов. Первоначально они возникали на основе любительского коллекционирования разных пород лошадей, при этом некоторые заводы специализировались в поставках лошадей для кавалерии, другие – на выведении коней для использования в хозяйственных целях и в частном извозе. В начале XX в. в России насчитывалось около 6 тыс. частных конных заводов [6, с. 7].

В Тобольской губернии доля частных конных заводов была относительно невелика (табл. 2). Практически все частные заводы в Тобольской губернии не имели специализации и лишь завод П. И. Подаруева занимался выведением резвых рысаков для участия в бегах, а также на заводе разводился крупный скот особой породы, имевший ценность у сибирских крестьян [1, с. 26].

Таблица 2

Список частных заводов в Тобольской губернии на 1878 г.

Ф. И. О. владельца	Год создания	Местонахождение	Число лошадей
Большаков А. И., крестьянин	1864	д. Межумная, Курганский округ	18
Грамотьев Г. М., крестьянин	1867	д. Понся, Курганский округ	9
Грамотьев Н. П., крестьянин	1867	д. Семискульская, Курганский округ	13
Графьев Н. П., крестьянин	1867	д. Семискульская, Курганский округ	16
Пичугин Д. З.	1861	д. Утечьа, Курганский округ	46
Рыльских А. И., крестьянин	1856	д. Куртана, Курганский округ	12
Шепелин И. Ф., крестьянин	1856	д. Семискульская, Курганский округ	8
Подаруев П. И., купец I гильдии	*	г. Тюмень	30

Примечания: 1. По материалам источника [12].

2. «*» – данные отсутствуют.

На основе данных табл. 2 можно сделать вывод, что частные заводы преимущественно открывались в Курганском округе, и лишь один завод располагался в Тюмени. Курганские коннозаводчики предпочитали выводить выносливых тяжеловозов для хозяйственных работ, в основном выращивая лошадей для своих рабочих нужд. Завод П. И. Подаруева располагался на арендованной земле Мелькеевской казенной фермы и ежегодно принимал участие в конских бегах. Следует отметить, что частные заводы способствовали выведению не только хозяйственных, но и спортивных лошадей.

Со временем любителями коневодства стали организовываться различные развлекательные программы с участием лошадей, которые могли бы привлечь зрителей. Например, конные выступления, наряду с выступлениями певцов и музыкантов, проводились на открытии ярмарок и торжков [13]. В 1895 г. в Кургане была проведена сельскохозяйственная кустарно-промышленная выставка Тобольской губернии, на которой были организованы скачки лошадей. Местные скачки 25 августа 1895 г. смогли привлечь около 3 000 участников, всего в бегах участвовало 15 лошадей, преимущественно киргизских пород. Чуть позже, 3 сентября, вновь состоялись бега, на которых принимали участие все лошади, а наездниками были представители Курганского, Тюменского и Ялуторовского округов. Главный приз в 50 руб. получил курганский мещанин Нечаев [3].

Таким образом, во второй половине XIX в. происходил рост интереса к коневодству у предпринимателей Тобольской губернии. В регионе появлялись частные конные заводы, которые изначально открывались для реализации потребностей владельца, но вместе с тем способствовали экономическому развитию губернии. Многие заводы специализировались на определенных типах лошадей, например, на тяжеловозах, необходимых для выполнения хозяйственных работ. Частные заводы способствовали улучшению качества сибирских лошадей в России и стали основой для дальнейшего развития этой отрасли в Тобольской губернии. В последней трети XIX в. благодаря инициативе местного купечества в Тюмени был открыт первый ипподром, работа которого оказала влияние на селекцию беговых лошадей в Сибири и развитие конного спорта, свидетельствуя о важной роли предпринимательской деятельности в деле развития коневодства.

Литература

1. Войнова Н. Тюмень деловая купеческая // Лик. 2016. № 11. С. 20–42.
2. Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени. Тюмень : Радуга-Т, 2008. 336 с.
3. Каталог Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки Тобольской губернии в г. Кургане 1895 год // Курган. 1895. 130 с.
4. Мельникова Д. А. Деятельность Главного управления государственного коннозаводства по поддержке и улучшению частного коневодства в Российской империи (1843–1917 годы) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 4. С. 32–40.

5. Мельникова Д. А. Общества поощрения коневодства Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в. / История повседневности. 2018. № 3. С. 76–90.
6. Мельникова Д. А. Частное коннозаводство Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Европейских губерний) // История повседневности. 2021. № 4. С. 6–22.
7. Никитин В. А. Развитие торговли в южном Зауралье (1861–1917 гг.) // Вестник Курганского государственного университета. 2013. № 4. С. 74–77.
8. Седловская К. Ю. Тюменский ипподром: прошлое, настоящее, будущее // Актуальные вопросы науки и хозяйства: новые вызовы и решения : сб. материалов LIII Междунар. студ. науч.-практич. конф., Тюмень, 29 марта 2019 г. Том. Ч. 1. Тюмень : Государственный аграрный университет Северного Зауралья. 2019. С. 186–188.
9. Сибирская торговая газета. 1897. 12 июля.
10. Сибирская торговая газета. 1897. 13 июля.
11. Сибирская торговая газета. 1898. 15 января.
12. Мердер И. К. Список частных конских заводов в России : изд. по распоряжению Его Высочайшего повеления г. Министра государственных имуществ. СПб. : Типография Э. Метцига, 1878. 358 с.
13. Тобольские губернские ведомости. 1868. 29 июня.
14. Томилов И. С. Особенности развития общественной инициативы (на примере Тобольской губернии позднеимперского периода) // Таврический научный обозреватель. 2016. № 7. С. 7–14.
15. Туров С. В. Как отдыхали сибиряки в прошлом // Лукич. 2001. № 3. С. 3–28.
16. Тюменскому ипподрому – 150 лет. URL: <https://vsluh.ru/long/tyumenskomu-ippodromu-150/?ysclid=ml1yhjuotm7859721136> (дата обращения: 12.10.2024 г.)

УДК 316.334.3

Быт сибирского крестьянина середины 60-х годов XIX века в работах В. В. Берви-Флеровского

Степаненкова З. В.

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию быта сибирских крестьян середины XIX века, содержащемуся в работах участника общественного движения второй половины XIX века Василия Васильевича Берви (Флеровского). В ней содержится описание жилища, пищи, одежды сибирского крестьянства, оставленное Василием Васильевичем Берви-Флеровским в результате пребывания в сибирской ссылке в 1864–1866-х годах. Приведенные материалы наглядно представили положение крестьянства пореформенного периода.

Ключевые слова: Василий Васильевич Берви-Флеровский, Сибирь, сибирское крестьянство, крестьянский быт

The life of the siberian peasant of the middel 1860th in the works of V. V. Bervi-Flerovsky

Stepanenkova Z. V.

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the description of the life of Siberian peasants of the mid-19th century, contained in the works of a participant in the social movement of the second half of the 19th century in V. V. Bervi (Flerovsky). It contains a description of the dwelling, food, clothes, etc.

of the Siberian peasantry, left by V. V. Bervi-Flerovsky as a result of his stay in Siberian exile in the 1864–1866. The materials given give a visual representation of the situation of the peasantry of the post-reform period.

Keywords: V. V. Bervi-Flerovskiy, Siberia, Siberian peasantry, peasant life

Василий Васильевич Берви-Флеровский (1829–1918) – российский социолог, публицист, экономист и беллетрист, идеолог народничества, участник общественного движения 1860–1890-х гг. В работах В. В. Берви-Флеровского содержится значительный пласт информации об отдельных регионах страны, быте и образе жизни их населения.

Несмотря на то, что в Сибири В. В. Берви-Флеровский провел немного времени, он сумел за время службы у томского золотопромышленника Б. Л. Хотимского достаточно хорошо познакомиться с регионом [7]. Собранные им материалы, по мнению ряда исследователей, отличаются высокой степенью достоверности [3, 4, 9].

В данной работе предпринята попытка выявить некоторые особенности быта сибирского крестьянина середины 1860-х гг., нашедшие свое отражение в трудах В. В. Берви-Флеровского, которые позволили более точно оценить положение крестьянства пореформенного периода.

В рассмотренный период времени среди части образованного общества бытовало мнение о богатстве сибирских крестьян в сравнении с населением европейской части России. Разделяли его и сами сибиряки, прежде всего представители высшего общества, страдавшие, по мнению В. В. Берви-Флеровского, своего рода «сибирским оптимизмом». Василий Васильевич писал, что ему рассказывали о сибирских крестьянах, пахавших по 200 десятин, содержавших более 100 лошадей и 400 ульев пчел, о крестьянах, у которых было тысяч тридцать капитала и которые все-таки занимались одним только земледелием [8, с. 69–70]. «У нас здесь, – говорят мне, – не то, что у вас в России, здесь голодных не водится, народ ржаного хлеба и есть не станет, курные избы здесь не известны, народ живет чисто, а ваших российских называют лапотниками – презрительное название, данное народом, который никакой другой, кроме кожаной, обуви не носит» [8, с. 36].

Однако наблюдения В. В. Берви-Флеровского во многом опровергли эти высказывания.

Он описывал наружный вид сибирских сел и деревень: «Сибиряки привыкли хвалиться тем, что у них нет курных изб. Более того, изба не только зажиточного, но и бедного крестьянина в Сибири поражает чистотою внутри жилья. Пол, стены, лавки, столы не только моются, но скоблятся, печь белится; у богатого крестьянина весь пол выстлан половиком из холста разноцветной ткани; у крестьянина средней руки половик изгребный, то есть нитки, из которых он выткан, выпрядены из остатков льна». Правда, по мнению В. В. Берви-Флеровского, на этом благоприятное впечатление и заканчивается. «В Сибири, – писал он, – я убедился, что на чистом полу можно также умирать с голоду, как и на грязном» [8, с. 70].

Сами сибиряки эту особенность крестьянского быта объясняли тем, что в Сибири не было рабства, поэтому нет и грязи в домах. «При этом, – писал В. В. Берви-Флеровский, – чистота жилья компенсировалась грязью на улицах»: в Сибири, по его наблюдениям, не унавоживали полей, в результате чего весь навоз и грязь со двора просто выбрасывались на улицу. Зимой улица оказывалась настолько завалена замерзшим навозом, что ехать по ней было не проще, чем по камням: «Можно сказать, – замечает В. В. Берви-Флеровский, – в Сибири не бывало самоуправления, поэтому улица грязная» [8, с. 70].

Василий Васильевич Берви-Флеровский отмечал бедность сельской архитектуры, особенно поразительную при наличии леса. Двухэтажные деревянные дома в семь и девять окон встречались в селах преимущественно на тракте из Тюмени в Иркутск, однако гораздо больше была распространена изба с двумя горницами и сенями посередине, что возможно обусловлено погодными условиями. Встречались также трехконные дома в одну горницу и убогие хижины, а также особенность Сибири – «дом вовсе без крыши, квадратный, в одно бревно длиною, с одним окном посередине, и кругом ни кола, ни двора». По наблюдениям Берви-Флеровского, бедных изб было намного больше, чем во многих местах России. Отмечал

он и малочисленность построек на одном дворе, отсутствие резных украшений домов, особенно заметных в сравнении с европейской Россией. «Двойные рамы, – писал он, – редкость, часто вместо стекол окно затягивали бычьим пузырем, в результате чего в избе царил вечный полумрак» [8, с. 70–71].

Скот (кроме лошадей), по наблюдениям В. В. Берви, обычно содержался на открытом воздухе без какой-либо защиты от морозов, кроме забора и легкого навеса. При сорокаградусных морозах он не выживал. Мелкого скота было откровенно немного, мало даже свиней. Несмотря на это, у крестьян часто не хватало сена, поэтому животных кормили соломой. Василий Васильевич Берви-Флеровский писал о массовых весенних падежах скота от недостатка корма, очень распространенных в Сибири, которые нередко сопровождались голодом среди крестьян [8].

В отдельных районах у крестьян не хватало денег на содержание пастуха. Так, в Кузнецком округе выпас стада считался общественной повинностью. Для этого огораживалась обширная территория (паскотина), иногда довольно значительная – до 9 кв. верст. Огораживалась она в свободное от работы время, в связи с этим ограда нередко бывала недостаточно хороша: скот выходил за нее, портил пашни, иногда животные и вовсе терялись. Регулярно доить коров из-за отдаленности паскотины от села было сложно, в результате чего у них нередко пропадало молоко [8, с. 74–75].

По наблюдениям В. В. Берви-Флеровского, практически все животные продукты шли на уплату оброков, мясо употреблялось крестьянами редко даже зимою в праздники. «Летом крестьяне мяса не едят вовсе, – писал Василий Васильевич, – только тогда, когда нечем уплачивать подати, крестьянин может летом забивать животных». В этом случае из-за невозможности обеспечить сохранность продукта он старается распродать мясо как можно быстрее. То, чего не удавалось продать, крестьянская семья ела днем и ночью, чтобы как можно скорее съесть и не дать ему испортиться. Рыбу крестьяне ели еще реже мяса. В пост же вся их пища состояла из хлеба, кваса и редьки, «постятся же они ровно половину года» [8, с. 74–75]. При этом Берви-Флеровский отмечал крайне низкое качество кваса, зачастую перекисшего и сопоставимого по вкусовым качествам разве что с уксусом. По его мнению, такой квас был отчасти необходим, поскольку стимулировал пищеварение. В целом, пища представляется Берви-Флеровскому весьма грубой и не удовлетворявшей потребности крестьян.

Чиновники-сибиряки нередко заявляли, что сибирский крестьянин заменял ржаной хлеб пшеничным. «Действительно, – отмечал В. В. Берви-Флеровский, – в Сибири едят больше пшеничного хлеба, чем в некоторых частях России». Однако, «пшеничный хлеб, который ест сибирский крестьянин, не только не лучше, – он хуже ржаного, он кислый, непитательный, вредный; в нем около половины посторонних частиц». По подсчетам В. В. Берви-Флеровского, нормальная пшеничная мука стоила в Сибири в 5,5 раз дороже, чем та, что ели крестьяне. При этом по меркам Центральной России даже она недостаточно хороша, из нее получался низкосортный хлеб. Но даже хлебом из сибирской муки питаться для крестьянина было слишком дорого, поскольку пуд хлеба стоил около 17 коп. Крестьянская семья употребляла в основном овес, картофель, капусту, ячмень (овес стоил 8 коп. за пуд, картофель – 5 коп., ячмень дешевле овса). Ячменный хлеб, используемый преимущественно в средней Сибири, если он хорошо испечен и свеж, по мнению В. В. Берви-Флеровского, вкуснее пшеничного, но несвежий он твердел как камень [8, с. 74–75].

Недостаточное питание вредило прежде всего здоровью детей, которые были почти постоянно голодными. Особенно серьезно это сказывалось на здоровье младенцев, в силу того, что диета кормящих матерей, особенно во время постов, была очень ограниченной, снижалось качество грудного молока. Нередко молоко у матерей пропадало совсем, в этом случае в более богатых семьях использовалось коровье молоко, в бедных же – соска, набитая черным хлебом, и квас. В тот период времени, по данным В. В. Берви-Флеровского, даже в условиях относительно соблюдаемой гигиены ребенок на искусственном вскармливании выживал в 4 раза реже, чем при вскармливании грудным молоком. Смертность среди крестьянских детей была

крайне велика (из 13–19 детей мог не выжить ни один). Для детей постарше в бедных семьях предназначались отруби, обваренные кипятком, то есть та пища, которая в богатых крестьянских семьях предназначалась для свиней [8, с. 76].

Традиционная одежда сибирских крестьян, по его мнению В. В. Берви-Флеровского, была ничем не лучше пищи. Лапти в Сибири действительно почти не носили, поскольку липа произрастала далеко не везде. Зато распространены были очень грубые высокие сапоги – бродни¹. Берви-Флеровский при этом отмечал, что в рассмотренный период времени в Сибири выделка кожи была «на очень низкой ступени». Сибирская кожа была несравненно хуже кожи из европейской России, чрезвычайно легко разрушалась и недолго носилась. Хотя бродни были очень дешевыми, «даже такая обувь была не всегда доступна крестьянам, поэтому крестьянки почти всегда, а крестьяне очень часто ходят босые; ребенок с кожаной обувью на ногах редкое исключение; летом и зимою его можно встретить на улице босым». Широко использовавшиеся в Сибири «валеные сапоги с мушками»², по наблюдениям Василия Васильевича, «жестки, как дерево», при этом они считались предметом роскоши и были недоступны беднякам. «Бедный человек иногда делает себе что-то вроде сапог из толстого холста, набивает их охлопками и простегивает», – писал В. В. Берви-Флеровский [8, с. 76–77].

Верхняя одежда также была недостаточна. «Единственная верхняя одежда, при которой в сибирские морозы можно сохранить свое здоровье, – замечал В. В. Берви-Флеровский, – это доха; кожа козловая, барсовая или оленья делается мягкою, из нее сшивается шуба шерстью наружу; в хорошей дохе самый пронзительный ветер не чувствителен». Между тем плохая доха – только кожа с шерстью, без подкладки – стоит не менее 5 руб. серебром, а потому бедному человеку недоступна. Поскольку овец в Сибири разводилось весьма мало, значительная часть крестьян не могла позволить себе и овчинных тулупов. По этой же причине крестьянин носил мало сукна, «все это заменяется у него пеньковым полукафтanjem, сделанным из весьма плохого материала и до того колючим, что им можно занозить руку». На работу крестьянин отправлялся в широких конопляных штанах, которые надевал поверх платья. В целом одежда крестьянина редко соответствовала необходимым требованиям, а одежда крестьянки еще меньше: она ходила «нередко зимою без шубы в одном сарафане и короткой верхней одежде. Поэтому зимою крестьянки все более или менее нездоровы». Хуже всего приходилось детям: простуды, застарелые ревматизмы, зубные боли, частые воспаления легких и другие серьезные болезни были для них весьма обычны. С 8–10 лет дети должны были помогать родителям выполнять повседневные работы: боронить, полоть, убирать сено, жать и молотить. Однако крестьянский труд требовал серьезных усилий, поэтому среди детей были распространены килы³, маточные болезни и прочие подобные заболевания, связанные с чрезмерными нагрузками [8, с. 77–78].

Упоминает В. В. Берви-Флеровский и об основных занятиях сибирских крестьян. Естественно, основным видом их деятельности были земледельческие работы. Само земледелие виделось Берви-Флеровскому трудоемким и не всегда прибыльным. «Землю в Сибири хотя и не унавоживают, – писал он, – но возделывают очень тщательно, на обработку и уборку десятины никак нельзя полагать менее двадцати дней. На 7–8 десятин нужно будет от 150 до 160 дней. Поскольку земля сильно промерзает, начинать обработку можно только поздно, никак не ранее 1 мая. В то же время хлеб созревает очень быстро, но и осень начинается рано; к 15 сентября все работы должны быть закончены. Если исключить полтора месяца на сенокос, то у крестьянина останется на производство хлеба всего 90 дней; столько даже считать нельзя, потому что если он слишком поздно посеет, то он не успеет вовремя собрать. Ему не достает 2 месяцев» [8, с. 79].

¹ Для изготовления бродней к глубоким галошам из коровьей шкуры пришивались голенища: в богатых семьях – из той же коровьей шкуры, а в бедных – из холстины.

² Валенки.

³ Грыжи.

Кроме земледельческих работ, для уплаты податей крестьяне вынуждены были заниматься подсобными промыслами, например, пчеловодством, сплавкой леса и тому подобными, которые не всегда приносили необходимый доход.

Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского уже подробно рассмотрены в отечественной литературе [1, 2, 5, 6], поэтому останавливаться на них в данной работе нет необходимости. Важно, что причины повсеместной бедности крестьян В. В. Берви-Флеровский видел в следующем: во-первых, в непомерно раздутых податных сборах; во-вторых, в общинном владении земли без переделов, которое преобладало в Восточной Сибири, начиная с Томской губернии. С его точки зрения, именно такой вид поземельных отношений повлек за собой значительное расслоение крестьянства и появление богатых крестьян – «миродов». Наиболее богатые крестьяне, завладевшие лучшими землями, постепенно начинали считать их своей собственностью, затеявая в ряде случаев судебные процессы против притязавших на эти земли соседних общин. Именно они могли позволить себе пользоваться лучшими лугами, иметь большое поголовье скота. В таких условиях в наиболее сложном положении оказывались переселенцы – «русская бедность, переехавшая бедовать в Сибирь» [8, с. 91–95, 115]. В целом, по наблюдениям Василия Василевича, бедность деревень росла по мере продвижения на восток.

При этом В. В. Берви-Флеровский искренне восхищался трудолюбием сибирских крестьян, их природным умом, смелостью и предприимчивостью, интеллектуальными способностями. Он отмечал их инстинктивное стремление к цивилизации, к более облагороженным удовольствиям и нравственному поведению. «Я оставил Сибирь, исполненный уважения к интеллектуальным способностям крестьянского сословия, – писал он, – я убежден, что в нем – надежда России, залог будущей ее славы и величия» [8, с. 120].

Литература

1. Абрамович О. Экономические взгляды В. В. Берви-Флеровского // Проблемы экономики. 1937. № 1. С. 127–142.
2. Водолазко В. Н. Социально-экономические проблемы Олонецкой губернии и Русского Севера в трудах В. В. Берви-Флеровского // Вопросы истории Европейского Севера. Историография и источниковедение : межвуз. сб. Петрозаводск : Петрозаводский университет, 1979. С. 108–121.
3. Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX – начала XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 177 с.
4. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. : Политиздат, 1967. 837 с.
5. Подоров Г. М. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. М. : Госполитиздат, 1952. 236 с.
6. Рощевская Л. П. Северная деревня в работах Н. В. Шелгунова и В. В. Берви-Флеровского (по материалам журнала «Дело») // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар : Пермский университет, 1981. С. 13–23.
7. Степаненкова З. В. Образ сибирского города в работах В. В. Берви-Флеровского // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 30–35.
8. Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 618 с.
9. Чумичева Н. В. Социологические взгляды В. В. Берви-Флеровского на пути перехода российского общества к новому социальному строю : автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. Саратов, 2012. 21 с.

УДК 89.290-09(2)19

**Благотворительная деятельность предпринимательниц Тобольской губернии
(на примере тюменской купчихи Е. И. Бурковой)**

Просвиркина В. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В Тобольской губернии женщины помимо введения торгово-рыночных отношений и развития предпринимательской деятельности также могли заниматься и благотворительностью. На свою деятельность предприниматели смотрели не только как на источник дохода, но как на миссию, возложенную судьбою. Если мотивом у мужчин была необходимость социальных изменений и гражданский долг, то у женщин в благотворительной деятельности было милосердие. Так, тюменская купчиха Евдокия Ивановна Буркова принимала участие в пожертвованиях крупных сумм школам, церквям, Красному Кресту, способствуя улучшению социально-экономических условий развития Тюмени.

Ключевые слова: благотворительность, пожертвования, Тюмень, Евдокия Ивановна Буркова, купчиха, женское предпринимательство

**Charitable activities of businesswomen of the Tobolsk province,
on the example of the tyumen merchant E. I. Burkova**

Prosvirkina V. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. In the Tobolsk province, in addition to the introduction of trade and market relations and the development of entrepreneurial activity, women could also engage in charity work. Entrepreneurs looked at their activities not only as a source of income, but as a mission assigned by fate. If men were driven by the need for social change and civic duty, then women's motive for charitable activity was charity. Thus, the Tyumen merchant, E. I. Burkova, took part in donations of large sums to schools, churches, the Red Cross, etc. Thanks to which it contributed to improving the socio-economic conditions of the development of Tyumen.

Keywords: charity, donations, Tyumen, E. I. Burkova, merchant's wife, women's entrepreneurship

Рассматривая процесс становления женского предпринимательства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. важно обратиться к понятию «благотворительность» в значении «оказание материальной помощи, которая направлена организациями или частными лицами нуждающимся в этом».

В постсоветском пространстве существует множество работ о благотворительности и участии женщин в пожертвованиях. Тема благотворительной деятельности предпринимательниц в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. остается открытой для специальных исследований. Тема благотворительности предпринимательниц в такой отдельной губернии слабо изучена, способна выявить социальную значимость и место в благотворительной сфере пореформенной Сибири.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. стали причиной пробуждения общественной активности в стране, отголоски которой доходили и до таких отдаленных окраин, как Сибирь. Носителем новых настроений и идей стала местная интеллигенция. Она стояла во главе всех прогрессивных начинаний, в ее деятельности проявлялось влияние лучших демократических традиций. Благодаря интеллигенции в Тобольской губернии начали формироваться элементы гражданского общества в виде самостоятельных общественных инициатив и организаций: благотворительных, просветительских, художественных и др.

Благотворительность достигла расцвета во второй половине XIX в., когда предприниматели беспрецедентно поддерживали художников и ученых – это становилось нравственным украшением культурной истории. Важной особенностью развития благотворительности в этот период является тот факт, что она стала одной из сфер общественной деятельности граждан, разрешенных государством. Личное участие в деятельности благотворительных организаций и пожертвование крупных сумм школам, больницам способствовали улучшению социального статуса предпринимателей, к тому же социально-экономические условия развития региона и страны в целом благоприятствовали активной предпринимательской деятельности.

Благотворительная деятельность является одной из форм гражданской активности, которая относится к традиционной с точки зрения преобладавшего в то время в обществе религиозного мировоззрения, официально разрешенной для женщин. Наблюдалось расширение состава участников общественных организаций за счет притока женщин. Известны случаи благотворительности, когда предпринимательница участвовала в благотворительности как самостоятельно, так и вместе с родственниками. Среди предпринимательниц Российской империи указанного периода важна Евдокия Ивановна Буркова, купчиха из Тобольской губернии [5, с. 20].

Евдокия Ивановна, дочь богатого крестьянина Венедикта Петровича (фамилия неизвестна), которая была удочерена после женитьбы на молодой вдове – Марии. В 1888 г. Евдокия Ивановна вышла замуж за купца II гильдии Василия Петровича Буркова, и молодая семья поселилась в д. Мало-Красноярской у родителей супруга. В семье Бурковых было восемь детей: сыновья (Михаил, Георгий, Яков, Николай, Венедикт, Виктор) и две дочери [4, с. 6].

В начале 1890-х гг. Бурковы переехали в Тюмень. Купец приобрел дом и лавку для продажи хлебной продукции (зерна и муки), нанимал небольшие суда для доставки продовольствия в сельскую местность и открыл небольшой кирпичный завод. В 1908–1910 гг. Евдокия Ивановна стала известна торговлей бакалейными и колониальными товарами в с. Мало-Красноярском, а также кирпичом собственного производства, поставляемым из д. Букиной [3, с. 70].

Помимо успешной предпринимательской деятельности Бурковы прославились своими благотворительными делами. Сначала пожертвования делал Василий Петрович, но потом этим стала заниматься самостоятельно Евдокия Ивановна [1, с. 60]. В целом благотворительную деятельность Евдокии Ивановны можно разделить на направления: строительство новых помещений, пожертвования местным учебным заведениям и отдельным учащимся, помощь участникам войн, пожертвования городу и горожанам, а именно:

1. Строительство новых помещений как форма женской благотворительности. Благотворители за свои деньги строили приюты, школы, церкви и т. д., для защиты социально нуждающегося населения. В 1894 г. Бурковы выделили средства для постройки церкви в с. Мало-Красноярском Мало-Красноярской волости, а также пожертвовали для церкви высокого качества утварь [2, с. 38].

2. Пожертвования местным учебным заведениям и отдельным учащимся. В конце XIX в. купцы стремились дать своим детям хорошее образование, которое приводило к пониманию необходимости развития культуры, искусства, просвещения среди народа. Появился предприниматель-интеллигент, который считал своим гражданским долгом финансово поддерживать науку, искусство, помогать своему краю и обществу. Такие устремления наблюдались и в Тобольской губернии [6, с. 100].

В 1902 г. Евдокия Ивановна устроила Рождественскую елку в Мало-Городищенском училище для женского отделения. Каждая ученица получила подарок (платье, фартук и т. д.). В 1903 г. Буркова пожертвовала 3 руб. ученицам Тюменской воскресной школе «Общества попечения об учащих», через год пожертвовала 1 фунт чая и 5 фунтов сахара для сирот умершего почтальона Тюменской почтово-телеграфной конторы Орлова. В 1905 г. передала 1 руб. в пользу «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городском и начальных училищах города Тюмени», в следующем году – 4 руб. 10 коп. для учеников Тюменской женской гимназии [8, с. 10]. В 1907 г. совместно с мужем пожертвовала 3 руб. в пользу «Общества вспомоществования нуждающимся в городском и начальных училищах города Тюмени» по случаю Рождества Христова и Нового года. В 1909–1910 гг. совместно с мужем

она пожертвовала 3 руб. в пользу «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городском и начальных училищах города Тюмени». В 1913 г. сделала пожертвование в пользу Тюменской женской гимназии [2, с. 39].

3. Помощь участникам войн. Женская благотворительная деятельность активизировалась в военные годы. В 1904 г. во время русско-японской войны Буракова передала 25 руб. в Тюменский дамский комитет для помощи больных и раненых на Дальнем Востоке [2, с. 38].

4. Пожертвования городу и горожанам. В поддержке социально-культурных проектов, пожертвования направлялись на учреждения, имевшие широкую общественную значимость или способствовавшие экономическому и социально-культурному развитию региона [7, с. 50].

В 1912 г. Е. И. Буракова пожертвовала 65 коп. в пользу Тюменского отдела Российского общества Красного Креста для оказания помощи населению Тюменского уезда, пострадавшему от неурожая. В 1912 г. она выделила вещи и деньги для Тюменского Владимирского сиропитательного ремесленного заведения. В 1915 г. купчиха отдала 1 пуд мяса Тюменскому Владимирскому сиропитательному заведению, в 1914 г. – 7 пар подверток и 12 штук холщовых полотенец для Тюменского отделения Российского общества Красного Креста. В 1914 г. она выделила 72 аршина ситца и 18 штук кисеток для Тюменского отделения Российского общества Красного Креста. В 1915 г. Буракова пожертвовала в пользу Тюменского городского комитета Всероссийского городского союза 100 руб. [2, с. 39].

Большую часть средств Евдокия Ивановна жертвовала ученикам учебных заведений, а также городу и горожанам (рис. 1). Женщина – прежде всего мать, поэтому традиционно предметом ее заботы были дети. Как многодетная мать, она не могла пройти мимо детей, которым нужна помощь и внимание, возможно поэтому большую часть своих средств выделяла учащимся. Купчиха хотела не только в экономическом плане способствовать развитию торгово-рыночных отношений в городе, но и помогать жителям города в тяжелой жизненной ситуации.

Рис. 1. Процентное соотношение пожертвований Е. И. Бурковой

Примечание. Составлено автором.

В отличие от мужчин, женщины не могли рассчитывать на получение чинов, орденов, званий или правительственных наград за благотворительную деятельность. Жители в благодарность ходатайствовали о присвоении Е. И. Бурковой звания почетной гражданки города. Также были направлены знаки похвалы и благодарности. За свою благотворительную деятельность в 1913 г. Евдокия Ивановна получила глубочайшую благодарность комитета Тюменского Владимирского сиропитательного ремесленного заведения за пожертвования [1, с. 39].

Так, пожертвования направлялись на поддержку учреждений, имевших общественную значимость или способствовавших экономическому и социально-культурному развитию региона – училища, школы, здания, научно-исследовательских экспедиций. Помощь такого

рода в Сибири была более востребована, чем устройство социальных учреждений, поскольку уровень жизни населения здесь был выше, чем в Европейской России, голод случался реже, нищих было гораздо меньше. В условиях отсутствия земских учреждений среди населения была высока потребность в получении образования и в развитии культурно-просветительных учреждений.

Для женщин из высших слоев общества благотворительность была своеобразной формой продолжения светской жизни, способом проведения полезного досуга. Она же была проявлением политической лояльности к власти. Самодеятельные женские организации в Сибири были немногочисленны. Как правило, женщины входили в уже существовавшие общества наряду с мужчинами, либо занимались благотворительностью в индивидуальном порядке.

После смерти Василия Петровича жизнь семьи круто изменилась, так как в годы политического кризиса начала XX в. промышленные предприятия и торговые заведения оказались на грани банкротства. В 1919 г. по решению о национализации Буркова передала государству оставшееся имущество и уехала на Восток, пытаясь спастись от гражданской войны. В 1922 г. семья вернулась в родной город. В 1931 г. Евдокия Ивановна умерла [4, с. 20].

Таким образом, участие предпринимательниц Тобольской губернии стало возможно благодаря развитию товарно-денежных отношений и формированию основ капиталистического общества. В связи с новым хозяйственно-экономическим укладом ощущалась необходимость не только в образованных, но и в активных людях, особенно на окраинах Российской империи. Так, пожертвования Евдокии Ивановны Бурковой оказали детям, раненым, и саму г. Тюмени неоценимую помощь, которая изменила жизни многих. Ее щедрость, проявленная в самом сокровенном, стала опорой для тех, кто потерял надежду, и символом силы человеческого духа в смутные времена. Буркова навсегда останется символом мужества, любви и достоинства. Ее до сих пор помнят и используют образ при организации театрализованных экскурсий в Тюмени.

Предпринимательницы оказали большое влияние на ход социально-экономических процессов, культурное развитие сибирского общества во второй половине XIX – начале XX вв. Женщины способствовали развитию системы образования. Широкое участие в общественной, предпринимательской, благотворительной деятельности привело к формированию у них гражданского самосознания. Сегодня некоторым сибирским предпринимательницам установлены памятники, которые подчеркивают роль женщины в развитии общественной деятельности.

Литература

1. Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. : (по материалам компьютер. базы данных купеч. семей Зап. Сибири). М. : Институт этнологии и антропологии РАН, Координац.-метод. центр, 1999. 244 с.
2. Зоркальцев А. В. Известные уроженцы уезда // Вестник Тарского уезда. 2021. Январь. № 11 (18). 302 с.
3. Зоркальцев А. В. Известные уроженцы уезда // Вестник Тарского уезда. 2021. Январь. № 11 (18). 302 с.
4. Зоркальцев А. В. Купцы II гильдии // Вестник Тарского уезда. 2021. Октябрь. № 1 (8). 78 с.
5. Зоркальцев А. В. Купцы II гильдии // Вестник Тарского уезда. 2021. Октябрь. № 1 (8). 78 с.
6. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Институт истории Сибирского отделения РАН, Сибирская контрактная корпорация. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1994. Т. 1. Кн. 1. 170 с.
7. Лук и Чок : [журнал] / учредитель и гл. ред. Ю. Мандрика. Вып. 3. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2008–2009, 2009. 168 с.
8. Тобольские губернские ведомости. 1861. № 39. 262 с.

УДК 271.22-76

Деятельность миссионерских школ на территории Тобольского Севера как форма просвещения инородцев во второй половине XIX века

Зяблищева Е. Ю.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрена деятельность миссионерских школ и их влияние на просвещение инородческого населения на территории Тобольского Севера во второй половине XIX века. Также в исследовательской работе рассмотрена правовая и экономическая основа существования школ, приведены данные об отдельных наиболее значимых миссионерских школах, функционировавших в данный период времени на этой территории.

Ключевые слова: миссионерские школы, инородческое население, миссии, Обский Север, просвещение инородцев

The activity of missionary schools in the territory of the Tobol North as a form of education for foreigners in the second half of the XIXth century

Zyablitseva E. Yu.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. This article examines the activities of missionary schools and their impact on the enlightening activity of the foreigners in the territory of the Tobolsk North in the second half of the XIX century. The study also examines the legal and economic foundations of the existence of schools. In addition, data is provided on some of the most significant missionary schools that operated in the area during this time.

Keywords: missionary schools, foreign population, missions, the Tobolsk North, education of foreigners, enlightening activity

Миссионерство в Российской империи во второй половине XIX в. имеет несколько масштабных значений. Оно представляет собой как одну из форм функционирования Русской православной церкви, так и одно из направлений просветительской деятельности органов исполнительной власти, действовавших и на территориях, расположенных за Уралом. Помимо этого, миссионерство можно охарактеризовать как направление деятельности, которое способствовало стабилизации одного из векторов национальной политики государства на окраинах. В концепции национальной политики присутствовало положение о постепенном и плавном включении инородческого населения в хозяйственно-экономическую и политическую системы Российского государства. Стоит также отметить, что миссионерская деятельность поддерживалась законами и инициативами со стороны отдельных сподвижников православной веры. Управлением миссионерским движением в России стал заниматься Святейший синод Русской православной церкви, который инициировал принятие уставов миссионерских организации, а также проведение всероссийских и региональных съездов миссионеров.

Вспомогательным устремлением деятельности православного миссионерства стало открытие школ как определенных центров, способствовавших популяризации православных традиций. Создание миссионерских школ позволило проводить просветительскую деятельность среди детей инородцев. Также это знакомило с основами грамоты, чтения, арифметики и основ православия. Миссионерские школы зачастую имели похожее устройство: школьное здание, церковное помещение, помещение для пансионата и др. Важной особенностью всех миссионерских школ было то, что все они были всеобщими и бесплатными, что упрощало обычному населению, и инородческому в особенности, возможность получить образование.

Миссионерские школы, также как и другие учреждения, занимавшиеся образовательной и просветительской деятельностью, к числу которых можно отнести церковно-приходские школы, епархиальные училища, духовные семинарии и школы грамотности, регулировались епархиальными училищными советами. Стоит отметить и задачи, которые советы исполняли посредством деятельности таких образовательных учреждений. На первом месте находилась, несомненно, популяризация православия среди местных народов. Но препятствием этому было отсутствие грамотности и письменности у коренных народов, что обосновывало необходимость создания этой самой письменности и перевод на нее литературы, содержащей в себе основы православия и богослужения. Для большего распространения местные священнослужители получили право проводить выездные проповеди, в том числе на языке местного инородческого населения. Так, церковные учреждения в регионе становились центрами просветительской деятельности как в образовании, так и в воспитании. В качестве примера можно привести распространение знаний в области гигиены, санитарии, ветеринарии и т. д. [8, с. 115]. Безусловно, одной из важнейших задач Русской православной церкви стала не просто популяризация христианства, но и привлечение инородцев в христианский образ жизни для упрочнения их положения в государстве. Доказательством тому может служить такое высказывание: «Главной целью миссионерской деятельности было привлечение местного населения в лоно православия, так как некрещеный считался ненадежным подданным государя и, очевидно, что Церковь в Сибири изначально выполняла государственные функции, и становление структур Русской православной церкви в регионе происходило параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель» [8, с. 112].

Распространение православных ценностей на территории Сибири происходило достаточно тяжело. Влияло на это несколько факторов. Среди определяющих можно выделить особенности: климата, природы, образа жизни, мировосприятия и культуры самих народов. Можно сказать, что миссионерская деятельность здесь имела свой характер и свои потребности. Главными из потребностей стали финансы. Именно они определяли качество миссионерской деятельности, поскольку от них зависела подготовка и квалификация кадров, обеспеченность как самих просветителей, так и учреждений, занимавшихся миссионерством, возможность выездов для проповедей и командировок.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. можно заметить повышение содержания священнослужителей. Примером тому служит следующий отрывок: «Если в начале 1870-х гг. средний оклад сибирского миссионера составлял от 85 до 214 руб., то к концу столетия он составлял от 500 до 800 руб.» [1], что говорит об увеличении примерно в 4 раза.

Следует отметить, что миссионерская деятельность, как на территории Сибири, так и на других окраинах Российской империи, поддерживалось не только государством, но и другими частными организациями. В 1868 г. было создано Православное миссионерское общество. Именно это общество оказывало значительную материальную поддержку образовательным учреждениям, занимавшимся пропагандой христианства. Отличалось от многих других оно финансированием. Обеспечение и содержание общества осуществлялось за счет добровольных пожалований и членских взносов [8, с. 115]. Оно взяло на себя обязанности по организации и контролю миссионерской деятельности. «Святитель Иннокентий (Вениамин), став митрополитом Московским и Коломенским, возглавив Общество, учредил во всех сибирских епархиях отделения Общества под председательством местных архиереев, оказывающие финансовую поддержку миссиям и миссионерам» [8, с. 115].

Если финансирование происходило как за счет обществ, так и за счет государства, то правовая основа миссионерской деятельности на окраинных территориях государства регламентировалась только законодательными актами государства. Среди основных из них можно указать закон «Духовный регламент» (1721), «Устав об управлении инородцами» (1822), еще позже появляется «Устав духовных консисторий» (1841, 1883). Не меньшим значением обладал «Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства» (1860). Отдельного внимания заслуживают

постановления Синода. Одним из самых ярких является указ Синода от 10 марта 1867 г., в котором «были определены точные правила и нормы крещения людей, относившихся к инородческому населению. В особенности можно привести запрет крещения и совершения обрядов для лиц, не достигших 14 лет без согласия родителей или ответственных за них взрослых» [1].

Огромные пространства и суровость климата Севера требовали особых подходов, как в решении хозяйственных проблем, так и в решении культурных задач. Специфика Севера создавала определенные трудности [8]. На территории Тобольского Севера усилиями всех участников этого процесса были организованы Обдорская и Сургутская духовные миссии.

Обдорская духовная миссия сыграла значительную роль в распространении православных ценностей среди народов Севера. История миссионерства в Обдорске началась задолго до появления Обдорской миссии, но стала актуальной к 1830-м гг. «В 1848 году на заседании Тобольской духовной консистории обсуждался вопрос о создании особой Обдорской миссионерской церкви для распространения православия среди “самоедов-язычников”» [5]. Основывалось предложение на идее открытия походной церкви в местах кочевания инородцев, что позволило бы заниматься пропагандой на постоянной основе, практически ежедневно. Предполагалось, что два миссионера должны выезжать для проведения полноценной церковной службы с представителями коренных народов, а один священнослужитель должен постоянно проживать в Обдорске. Так, «для укоренения православия на Обском Севере Обдорская миссия проводила культурно-просветительскую работу среди коренных народов края. Хотя первоначально Обдорская миссионерская школа практически не пополнялась учащимися “из инородцев”. В 1898 году в Обдорске было открыто миссионерское “инородческое” училище с пансионом для учащихся, в основном русских и зырян и приют для ненецких и ханты-мансийских сирот-малолеток» [6].

Большую роль в деятельности этой миссии играли, как правило, священнослужители. Среди самых выдающихся проповедников можно выделить двоих: Петр Попов и иеромонах Иринарх.

Петр Попов был назначен священником Петропавловской церкви в Обдорске. Выбор был неслучайным, поскольку П. Попов был уроженцем Севера, что означало его близкое знакомство с местными условиями и особенностями коренного населения. Значителен его вклад в распространение православия в данной местности: он не только создал школу при церкви в Обдорске, где обучались несколько мальчиков (коренных жителей Севера), но и предпринимал многочисленные поездки на дальние стойбища в пределах Обдорской волости Березовского уезда.

«В 1898 году настоятелем Миссии становится иеромонах Иринарх (Иван Семенович Шемановский в монашестве получил имя Иринарх). Одним из важнейших его деяний является создание в 1904 г. Обдорского миссионерского Братства, целью которого была помощь миссии в распространении христианства среди местных народов. Он возглавлял Обдорскую миссию в течение тринадцати лет, что позволило организовать помимо просветительской деятельности и научно-исследовательскую» [3], поскольку сам иеромонах являлся историком и переводчиком. Ценна его роль как основателя первого музея на Обдорской земле. Иринарх оказался одним из немногих, кто понял, что невозможно просвещать народ и привлекать его в православие, если не понять и не узнать его душу и внутреннее состояние. Иеромонах также часто был в разъездах с миссионерскими целями по различным стойбищам, стараясь привлечь местное население к православной религии.

В целом Обдорской миссией за период 1872–1897 гг. удалось привлечь в православие 2 734 человека, то есть в среднем в год крестилось 100–200 человек. Но крещение происходило неравномерно. В качестве доказательства можно привести следующие данные. В 1882 г. было крещено 16 человек, а в 1888 г. – только 295. Такие числа свидетельствуют о последовательном, пусть и довольно медленном, распространении христианства на территории Тобольского Севера. Православие оказало влияние на религиозные представления и традиционную обрядность коренных народов, среди которых стало распространенным двоеверие.

Сургутская духовная миссия сыграла не меньшую роль, чем Обдорская. Время ее действия и существования определяется с 1867 по 1897 гг. Данная миссия была направлена не только на проповеди, но и на привлечение к себе инородцев, не придерживавшихся христианства. К 1870-м гг. ее стараниями было обращено в православие 5 500 остяков. В своей деятельности просветители в качестве основы использовали инструкции, указанные Синодом в указе. Основными направлениями согласно данной инструкции были «окормление» тех представителей инородческого населения, кто уже принял христианство, крещение инородцев, еще не принявших христианство, командировки священнослужителей и миссионеров с проповедями в отдаленные территории окраинных земель и обучение детей знаниям грамоты. «К числу язычников относились преимущественно “кочующие самоеды”, приезжавшие в декабре – январе в Сургут на ярмарку или оказывавшиеся в округе во время перекочевков. Миссионерам нужно было специально выбирать место и время встречи удобное для проповеди христианского вероучения, так как ненцы прибывали в город для продажи пушнины и покупки муки, рыболовных и охотничьих припасов и поэтому не всегда были расположены к общению с миссионерами» [7]. Можно сказать, что кочующие сибирские народы, имевшие свой сформированный взгляд на жизнь, неохотно стремились принимать православие.

«По данным Синода, в 1880 г. в Сибири на 48 миссий и станов приходилось 30 учебных заведений с общей численностью обучающихся 584 человека, но уже через четыре года осталось 46 миссий, в учебных заведениях которых училось 822 человека, то есть увеличилось на 40 %» [8, с. 115]. Стоит отметить, что в начале XX в. наблюдалось увеличение числа учебных заведений. На 1907 г. в Якутской епархии действовало 62 духовных образовательных учреждения. Это говорит о тенденции расширения влияния миссий на территории Западной Сибири в целом и Тобольского Севера в частности.

Миссионерские школы на территории Тобольского Севера во второй половине XIX в. сыграли значительную роль в изменении мировоззрения местных коренных народов, что плодотворно повлияло на итоги национальной политики государства в этот период времени. Именно миссионерские школы во многом помогли плавно включить инородческое население в экономическую и политическую системы государства, привив определенные ценности и уклады.

Литература

1. Еремеева О. И. Развитие культуры народов Северо-Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX вв. URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-kultury-narodov-severo-zapadnoi-sibiri-v-kontse-xix-pervoi-treti-xx-vv> (дата обращения: 06.10.2024).
2. Ириарх (Шемановский, Иван Семенович, иеромонах) История Обдорской духовной миссии 1854–1904 г. / сост.: настоятель Обдорской миссии иеромон. Ириарх. М. : печатня А. И. Снегиревой, 1906. [2], 188, III с.; 27. URL: <https://search.app/ers525EcwNXyoCCL6> (дата обращения: 04.10.2024).
3. Казанцев П. П. История Обдорской миссии. Обдорская духовная миссия 1893–1897 гг. // Образование Ямала. 2014. № 6 URL: <https://search.app/XWmUuhbPsbg8YESP7> (дата обращения: 04.10.2024).
4. Кузьмина А. С. Христианизация коренных народов Обского Севера : Культурологический аспект. СПб. : Инфо-да, 2004. 149 с. URL: <https://search.app/4ziReLHNfuJ4d5fB7> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Мышинская Ж. М. История деятельности Обдорской православной миссии // Образование Ямала. 2014. № 6. URL: <https://search.app/8A1xgoxxPnFduvvH6> (дата обращения: 04.10.2024).
6. Симонова Е. В. Историческая деятельность Обдорской православной миссии // Образование Ямала. 2020. № 25. URL: <https://search.app/K7jYK6HWZFFocdSq5> (дата обращения: 04.10.2024).

7. Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник ПСТГУ. 2012. № 46 (Серия 2: История. История РПЦ). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/surgutskaya-pravoslavnaya-missiya-1867-1898-gg-vozniknovenie-sostav-osnovnye-napravleniya-i-rezultaty-deyatelnosti> (дата обращения 06.10.2024).

8. Юрганова И. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири (XVII – нач. XX вв.): историко-аналитический обзор // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missionerskaya-deyatelnost-russkoj-pravoslavnoy-tserkvi-v-sibiri-xvii-nach-hh-vv-istoriko-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 04.10.2024).

УДК 656.6(091)(571.1)

К вопросу об организации судоходства в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX века

Кокшарова М. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросу организации судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Появление первых пароходов значительно расширило возможности в организации речного сообщения для местного населения, а также дало начало предпринимательской деятельности, связанной с судостроением в Западной Сибири, что в дальнейшем оказало большое влияние на развитие этого региона.

Ключевые слова: судоходство, пароходы, Обь-Иртышский бассейн, судостроительные заводы, купцы

On the issue of the organization of shipping in the Tobolsk province in the late XIX – early XX century

Koksharova M. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the organization of navigation in the Ob-Irtysh basin. The appearance of the first steamships significantly expanded the possibilities of organizing river transport for the local population, and also gave rise to entrepreneurial activities related to shipbuilding in Western Siberia, which later had a great impact on the development of this region.

Keywords: shipping, steamships, Ob-Irtysh basin, shipyards, merchants

Актуальность работы заключается в том, что данная тема не является распространенной в отечественной историографии. Ограниченный круг историографических работ, посвященных истории судоходства и судостроения в Тобольской губернии, позволяет в дальнейшем, опираясь на источники, раскрыть роль развития водного сообщения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Судоходство издавна являлось важной частью транспортной системы, осуществлявшей перевозку грузов и людей. Сибирские реки являются историческими путями: вся жизнедеятельность этого края сосредотачивалась по их берегам, где возникали города и другие населенные пункты. До появления первых пароходов способы передвижения по Оби и Иртышу были разнообразными. Так, А. Сургутсков описывал, что лодки тянули с берега за лямки люди или лошади, в других случаях шли на веслах или шестах, или при наличии попутного ветра использовались паруса. К строительству судов помимо плотников привлекались крестьяне и жители городов

на основании обязательных повинностей или по договору. Кроме строительства они могли выполнять обязанности гребцов, а также заниматься погрузкой и выгрузкой. На речных судах перевозили одежду, меха, кожу, рыбу, обувь, инструменты. Транспортная повинность тяжелым бременем ложилась на коренное население – хантов, манси и ненцев [7, с. 25–26].

Начало паровой индустрии в Обь-Иртышском бассейне историки относят к середине XIX в. Хотя уже в 1838 г. тюменский купец I гильдии Наум Тюфин построил пароход «Основа» мощностью 50 л. с. Судно обошлось купцу в 8 тыс. 270 руб. серебром, что являлось немалой суммой в то время. Пароход двигался со скоростью пешехода, топливом служили дрова. Но из-за некачественной инженерной работы пароход имел ряд недостатков, которые влияли на его полноценную работу. Прежде всего, судно обладало слабой остойчивостью, то есть было валким. Кроме того, пароход имел крен то на левый, то на правый бок [8, с. 14–15]. Из-за многочисленных поломок пароход «Основа» не мог совершать длительные рейсы, поэтому, находясь в аренде у разных купцов, в течение нескольких навигаций совершал перевоз товаров вблизи Тюмени. В дальнейшем пароход перешел в собственность бывшего чиновника главного управления Западной Сибири Поклевского-Козелло и стал совершать регулярные рейсы на дальние расстояния.

В «Тобольских губернских ведомостях» упоминалось, что еще в 1842 г. советник Коммерции Никита Мясников сумел получить Высочайшую привилегию для учреждения пароходства по судоходным рекам Сибири на десять лет. Однако он уступил это право Поклевскому-Козелло, который владел двумя пароходами: один в 60 л. с., выписанный из Швеции, а второй в 40 л. с. был построен на Нижнетагильском заводе Демидовых. В 1853 г. в связи с увеличением перевозимого пароходами груза была учреждена «Компания пароходства», которая приобрела пароход в 100 л. с. в Бельгии на заводе «Коккерия и К^о». Новое судно под названием «Ермак» двигалось между Тюменью, Томском и Барнаулом [9].

В 1843 г. в 188 км от устья р. Туры была организована пристань Тюмень, ставшая прообразом современного Тюменского порта, представляла из себя участок берега и баржу с деревянным складом. За 1844 г. грузооборот пристани составил 6 тыс. т. В работе на пристани, связанной с выгрузкой и погрузкой товаров разного вида, были заняты сотни жителей Ямской слободы. В это время стали возникать первые артели и бригады пристанских грузчиков в Обь-Иртышском бассейне. Однако вместе с этим сразу же появился низкооплачиваемый и каторжный труд. Специальных деревянных настилов, которые вели бы на пристань, еще не было, поэтому тачки применялись крайне редко. Рабочие были вынуждены вручную носить грузы на большие расстояния [8, с. 19–20].

К 1857 г. пароходы в Западной Сибири совершали рейсы по Туре, Тоболу, Оби, Томи и Иртышу, проходя мимо Тобольска, где Иртыш соединяется с Тоболом, с Самарово Тобольского округа, мимо заштатных г. Сургута и г. Нарыма [9, с. 24]. В «Очерке судоходства по рекам Западной Сибири» М. И. Шулятиков отмечал, что паровое дело на первых стадиях шло неудачно и вяло. В 1859 г. была образована речная компания «Дружба», которая объединила не только капитал, но и речные суда сразу нескольких судовладельцев. В начале 1860-х гг. Тюмень становится центром Обь-Иртышского пароходства.

Наблюдалось увеличение численности паровых судов: в 1860 г. их было 12, в 1880 г. – 36, а в 1891 г. – 73 судна. При этом 61 % пароходов принадлежал четырем фирмам, которые являлись главными поставщиками грузов по рекам Западной Сибири. К ним относятся: «Товарищество Курбатова и Игнатова», «Ширков и К^о», Корнилов и Плотников. Первые две компании имели контракты на перевозку арестантов и новобранцев. Основным делом фирм, тем не менее, являлась перевозка чужих грузов, хотя каждая компания имела свои собственные грузы, которые являлись настолько значительными, что затрудняли перевозку посторонних. Шулятиков указывал, что именно этот фактор вызвал в конце XIX в. успешное развитие пароходства. Предприниматели на юге Сибири не имели возможности своевременно отправлять свои грузы на место сбыта, за перевозку грузов назначались высокие фрахты. Это привело к необходимости строительства собственных пароходов и барж [10, с. 2–4]. Однако ввиду

недостатка опыта и сложности пароходного дела не все товарищества и компании успешно развивались. Одним из главных факторов, который наносил большие убытки, являлось замерзание судов в плесе, так как отсутствовали прогнозы о начале ледохода. Потери от недоставки грузов до места назначения были настолько велики, что служили причиной разорения предпринимателей. В связи с этим появилось правило не отправлять пароходы из Тюмени в Томск позже 15 сентября и в обратном направлении – позже 20 сентября.

В 1880-е гг. было положено начало торговым плаваниям из Обь-Иртышского бассейна через северный морской путь в Европу и в обратном направлении. Однако эти связи имели эпизодический характер, поскольку условия плавания через Карское море были слабо изучены, а кроме того, обские суда были технически неподготовлены для этого. Еще одной причиной стало недовольство торгово-промышленных кругов Европейской России к этим плаваниям, так как они опасались проникновения в Сибирь иностранцев [8, с. 38].

Стоит отметить, что развитие парового судоходства в Сибири происходило в общем русле развития технического перевооружения речного транспорта страны. Одновременно с появлением пароходов в Обь-Иртышском бассейне и на Байкале, образовалось первое пароходное общество на Волге. Уровень технического прогресса в Сибири и Европейской России определяли именно паровые суда. Техническое перевооружение речного флота оказывало заметное влияние на развитие социально-экономических процессов [1, с. 126–127].

Тем не менее техническое перевооружение требовало квалифицированных работников на судах. В первые пореформенные десятилетия процесс комплектования экипажей был непростым, поскольку предложение труда в Сибири не соответствовало спросу. Большаков отметил, что основной причиной ограниченного предложения рабочих являлся медленный процесс раскрестьянивания в условиях относительного многоземелья. Коренные крестьяне-сибиряки не нанимались простыми судорабочими, а стремились к должностям капитанов и лоцманов. В 1860–1870-е гг. основным источником рабочей силы были ссыльнопоселенцы. Однако по мере развития капиталистических отношений, расширения миграционных процессов и социальной дифференциации сибирского населения значение ссыльнопоселенцев как основного источника рабочей силы начинает снижаться. Широкое распространение позднее получила практика найма судорабочих вне Сибири [1, с. 184]. Нельзя не указать, что степень эксплуатации рабочих и служащих на пароходах постоянно возрастала. Владельцами пароходов двигало стремление получить как можно больше прибыли, поэтому они мало заботились о здоровье и жизни работников. Такая система сохранилась и в дальнейшем, подстроившись под новый капиталистический уклад.

По данным Статистического отдела Министерства путей сообщения, в бассейне р. Оби в списке на 1 января 1895 г. числилось 102 паровых судна и 323 непаровых, которые обслуживали 5 434 человек. Все суда по назначению делятся на грузовые, буксирно-пассажирские, буксирные и служебные. Среди владельцев были государственные и общественные учреждения, акционерные несудоходные общества, неакционерные судоходные компании и торговые дома, дворяне, купцы и мещане. В Календаре Тобольской губернии на 1895 г. указано, что владельцев пароходов по рекам Западной Сибири было 36, из них более чем тремя судами владели только «Товарищество Курбатова и Игнатова» (15 судов), Торговый дом «Трапезников и К^о» (8 судов), Торговый дом «Корнилова наследники» (11 судов), Торговый дом «Плотников и сыновья» (8 судов), Богославские заводы (9 судов), купец Морозов (4 судов), «Товарищество пароходства Гадалова и Жернакова» (4 судов) [5, с. 10–13].

В 1898 г. было учреждено «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», в которое вошли Товарищества «Курбатов и Игнатов» (14 пароходов), Товарищество «А. Трапезников и К^о» (8 пароходов), Е. Г. Морозова (5 судов), Торговый дом «Ф. С. Колмогорова наследники» (1 судно) и М. Ф. Пятков (2 судна) [6, с. 3]. В 1912 г. в Товарпар вошли Торговый Дом «И. Н. Корнилова наследники» и «Русско-Китайское акционерное общество», что позволило объединить 25 товаро-пассажирских и 24 буксирных парохода, 120 деревянных и железных баржей, дебаркадеров и паузков. Паровой флот по отношению к общему количе-

ству в Обь-Иртышском водном бассейне составлял 30 %, по отношению к пассажирским пароходам – 36 %. На 1914 г. основной капитал компании составлял 4 114 000 руб. В распоряжении компании имелось 80 десятин береговых участков, из которых 55 десятин были арендованы, а 25 десятин находились в собственности. Деятельность Товарпара состояла в грузовых и пассажирских перевозках по рр. Туре, Тавде, Тоболу, Иртышу и Оби, торговых операциях, связанных с лесом, хлебом, дровами, коряковской солью и другими, а также исполнении комиссионных поручений торгового характера. Компания выполняла срочные пассажирские перевозки по 9 линиям на пароходах, оборудованных по образцам Волжских пароходов, имевших буфет и снабженных электричеством. На пароходах американского типа имелись двухстворные салоны, пианино, ванны и библиотеки [4, с. 7–9].

В Обь-Иртышском водном бассейне появились речные компании, владевшие разными видами речного транспорта. Значительная часть судов уже была частично или полностью построена в Российской империи. На конец XIX в. в Тобольской губернии находилось три промышленных предприятия, где изготавливались суда. Один механический судостроительный и литейный завод в Тюмени принадлежал коммерции советнику А. К. Трапезникову, но был сдан в аренду Л. М. Пирсону и Р. Г. Гуллету. Благодаря имевшемуся оборудованию, к 1869 г. предприятие могло заниматься собственным производством, минуя услуги уральских и западных конкурентов. Основой технологии стал опыт волжских заводов. Предприятие занималось как постройкой пароходов, сборкой речных судов, так и осуществляло ремонт старых паровых и непаровых судов. До 1870 г. все сибирские пароходы строились только на заводе Гуллета [3, с. 89]. Второй механический судостроительный завод располагался в д. Мыс Тюменского округа. Это предприятие принадлежало Товариществу «Курбатова и Игнатова» и первоначально было филиалом Волжского судостроительного завода одноименной компании. Третий механический и судостроительный завод находился в д. Жиряковой Антроповской волости. Его владельцами были братья Джеймс и Эдуард Вардроперы, великобританские подданные, которые сначала занимались производством только непарового флота (деревянных барж), но со временем расширили производство [2, с. 141–143].

Можно сделать вывод, что появление пароходов и компаний способствовало расширению водных сообщений в Тобольской губернии. Развитие речного транспорта имело важное социальное и экономическое значение для региона. Паровое судоходство положительно влияло на развитие промышленности и стимулировало товарный характер сельского хозяйства. В Сибирь увеличился приток населения, что способствовало освоению окраины. Развитие судоходства и капиталистических отношений здесь способствовало процессу классового образования, так как возникла потребность в формировании постоянных кадровых рабочих. Регулярное сообщение по речной системе, открытие новых маршрутов движения, появление частных судостроительных компаний и расширение услуг для населения – все это стимулировало дальнейшее развитие региона и позволило Сибири не только улучшить отношения и выйти на рынки Европейской России, но и организовать водное сообщение с соседними государствами.

Литература

1. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX век. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. 214 с.
2. Календарь Тобольской губернии на 1895-й г. (3-й по високосе). Изд. Тоб. губ. тип. Тобольск : Тоб. губ. тип., 1894. 270 с.
3. Копылов В. Е. Окрик памяти: история Тюменского края глазами инженера. Тюмень : Слово, 2002. Кн. 1. 334 с.
4. Путеводитель по Иртышу и Оби. Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли: на 1914 год. СПб. : Художествен.-графич. ателье и печатня М. Пивоварский [и др.] А. Типограф, 1914. 220 с.

5. Речной флот Азиатской России Бассейн реки Оби... / Стат. отд. М-ва путей сообщ. СПб. : тип. бр. Пантелеевых, 1895. 27 с.
6. Сибирская торговая газета. 1898. № 157.
7. Сургутсков А. Развитие парового судоходства на Иртыше // ЮГРА : ист-культ. журн. 1993. № 8. С. 25–28.
8. Титов Г. А. Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск : Книжное изд-во, 1990. 262 с.
9. Тобольские губернские ведомости. 1857. № 11.
10. Шулятиков М. И. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М. : Типолиитография В. Рихтер, 1893. 64 с.

УДК 908:396.5

Роль женского труда в хозяйственной жизни Тобольского Севера в конце XIX века (по воспоминаниям политссыльных)

Яковчук В. А.

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Аннотация. В данной статье проанализирована роль женского труда в хозяйственной жизни Тобольского Севера в конце XIX века, основные занятия женщин непривилегированного сословия в различные времена года. Рассмотрены соотношение мужской и женской занятости, интенсивность труда и его локальная специфика.

Ключевые слова: политическая ссылка, Тобольский Север, женский труд

The role of women's labor in the economic life of the Tobolsk north at the end of the XIX century (based on to the memoirs of political exiles)

Yakovchuk V. A.

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Abstract. This article analyzes the role of women's labor in the economic life of the Tobolsk North at the end of the 19th century, the main occupations of women of the unprivileged class at different times of the year. The ratio of male and female employment, the intensity of labor and its local specificity are considered.

Keywords: political exile, Tobolsk North, women's work

В отечественной исторической науке вопросы использования женского труда в конце XIX в. вызывали интерес у многих исследователей. Однако его локальная история изучена не столь детально, особенно это касается отдаленных регионов Сибири, таких как Тобольский Север. Исключением являются этнографические работы, связанные с изучением быта, нравов и ремесел представительниц инородческого населения. Если говорить именно о трудовой деятельности женщин из числа русского населения Тобольской губернии, стоит отметить, что их основные занятия и образование анализировали Г. К. Скачкова [8], Н. А. Седельникова [7], В. В. Цысь и О. П. Цысь [11], В. В. Просвиркина [5]. Деятельность революционерок, попавших в ссылку в Сургутский и Березовский округа, отдельно изучалась Л. П. Роцевской [6] и О. А. Милевским [3].

В данных исследованиях основной акцент сделан на образовательной и профессиональной деятельности. В результате повседневность местных женщин непривилегированных сословий, их рутинная работа затрагиваются мало, в то время как ежедневные занятия обывате-

лей мужского пола известны повсеместно. При этом официальная статистика по сведениям за 1868–1869 гг. показала, что количество женщин в Березовском и Сургутском округах было практически равно числу душ мужского пола. Всего в Березовском округе с учетом города проживало 22 580 человек, из которых 11 869 мужчин и 10 711 женщин. В Сургутском округе динамика была примерно такая же: на 7 191 душу приходилось 3 804 мужчины и 3 387 женщин [9, с. СХХV].

Несмотря на то, что заезжих ученых и местных чиновников женский быт интересовал редко, описание их будней сохранилось благодаря мемуарам, дневникам и воспоминаниям революционеров, попавших в ссылку на Тобольский Север. Во многом это обусловлено тем, что ссыльные, поддерживавшие женщин в борьбе за равенство, продолжили интересоваться «женским вопросом» и в Сибири. Например, народник С. П. Швецов, характеризуя хозяйственную жизнь региона в 1880-х гг., отмечал, что общий уровень благосостояния довольно высок, что горожанин «...работой себя не нудит до такой степени, что в зимние месяцы буквально по целым неделям ничего не делает, слезая с печи только для того, чтобы поесть да разве кому-нибудь из домашних сделать приличное родительское внушение в форме хорошей трепки. Последнее, впрочем, не относится к женской половине населения, всегда, и летом, и зимой, равно поглощенной какой-нибудь работой по хозяйству» [10, с. 79].

К домашним занятиям женщин относилось изготовление почти всей одежды, огородничество, разделка добычи, пойманной на охоте, заготовка съестных припасов на зиму, пошив спальных принадлежностей (куда шло перо и пух от птиц), стирка, уборка, уход за скотиной. Последнее являлось особенно трудным и затратным по времени. К примеру, в Сургуте загоны и загороди для скота располагались не возле домов, а за городской чертой, по берегам реки. Подобная застройка была вызвана не заботой о скотине, а ленью жителей, которые, чтобы не вывозить навоз, решили выкидывать его в речку, избавляя себя от дополнительных хлопот. Говоря о сложившемся порядке вещей, С. П. Швецов сардонически подытожил: «А если бабам и приходится ежедневно терять много времени на путешествие в загон и обратно, бегать туда и днем, и ночью, во всякую погоду, то ведь на то она и баба, чтобы терпеть всю жизнь всевозможные неудобства и брать на себя как можно больше труда, давая этим возможность мужу валяться по суткам на печи в полудремотном состоянии. Устройство загородей имеет одну цель – освободить мужчину от лишнего труда, взвалив его в иной форме на плечи женщины» [10, с. 91].

Кроме того, женщины вовлекались не только в домашние хлопоты, но и посильно принимали участие во многих «мужских» занятиях: плели ловушки-морды, петли и прочие рыболовные снасти, не требовавшие большой физической силы; некоторые занимались скорняжничеством, выделывая беличьи, лисьи и куньи шкурки; изготавливали сыромятную кожу, которую потом пускали на ремни, починку сбруи, гужи; делали сальные свечи [10, с. 70]. Также преимущественно женским занятием являлся сбор ягод (морозики, черемухи, черники, голубики, брусники и пр. [2, с. 291]), уборка сена, кедрование, часто женщины промышляли охотой на уток. Довольно много заготовленной снеди шло на продажу. Так, на паровой пристани жительницы с. Самарово предлагали путешественникам закупиться рыбой, утятинной, молоком и хлебом [1, с. 70].

Женщины даже делали для домашних потребностей кирпич-сырец, которым пользовались для кладки печей приезжие тобольские специалисты. Их починкой и поправкой потом занимались мастерицы, часто зарабатывавшие себе на жизнь печным ремеслом [10, с. 70]. Молодые девушки также принимали участие в «помочках» – коллективной работе, требовавшей большого количества рук. Такой общественный «подряд», согласно наблюдениям политического ссыльного И. Я. Неклепаева, зачастую организовывался для сборки мха (на законопачивание дома), вскапывания огорода, замешивания глины для кирпичей и пр. [4, с. 94]. Оплатой служили «вечорки», проводимые хозяевами для приглашенных работниц. На них местная молодежь чаевничала, пела, танцевала под музыку и разыгрывала различные сценки [4, с. 95]. Хотя денежных выплат девушкам не полагалось, количество вечеров зависело от сложности

работы: одна считалась вознаграждением за помощь в легких делах, две или три, соответственно, собирали в благодарность за участие в более трудных занятиях.

Ради дополнительного заработка местные жительницы устраивались на службу к приезжим людям и торговцам в качестве кухарок, прачек, горничных и нянек. Лечили людей сведовавшие в народной медицине знахарки, часто в поселениях были повитухи. Имевшие квартиры, сдавали их в аренду, за дополнительную плату обеспечивая своих постояльцев едой и стирая белье. Ссылный Д. Д. Лейвин в воспоминаниях указывал, что в Сургуте столовался то у местной обывательницы, то у своей квартирной хозяйки. Последняя обещала ему содержать сдаваемые комнаты в чистоте, печь хлеб и готовить из его припасов то, что он попросит, а также «...давать самовар хоть пять раз в день» [10, с. 15].

Непрестанность и круглогодичность труда женщин на Тобольском Севере показало экономическое исследование С. П. Швецова, проанализировавшего уровень благосостояния сургутян. Так, в семье среднего для горожан уровня материального благополучия из четырех человек – престарелой вдовы, ее сына лет 26–28, невестки и их ребенка 2–3 лет – работали все взрослые [10, с. 81]. Однако доля их занятости существенно различалась: весной хозяин неводил и рубил дрова в урмане для себя (зимой и на пароход), летом орешеньем он выручил около 80 руб., в то время как весной и летом женщины косили и добыли перевесом до 150 уток (собственно мать-вдова) [10, с. 81]. Следует отметить, что такая охота организовывалась довольно серьезно, для этого требовалось вырубить в лесу просеку. К деревьям по ее краям крепили редкую сеть на высоте двух аршинов от земли в горизонтальном направлении (около 5–6 саженой в длину и ширину), создавая основание ловушки [2, с. 290]. Затем перпендикулярно к основанию и поверх его на блоках подвешивалась вторая сеть, тонкая и густая, доходившая в вышину до 7 саженой, а ширину – до 6 саженой [2, с. 290]. Следить за состоянием ловушки должна была сама охотница, которая, прячась сбоку, держала палочку, замыкавшую концы веревок, перекинутых через блоки и привязанных к верхним концам перевеса. Если рядом появлялась утиная стая, ей нужно было вынуть палочку, тогда веревки высвобождались, перевес под гнетом тяжести падал на нижние сети [2, с. 290]. Утки, попавшие таким образом в мешок, под давлением своего же веса запутывались в тонких нитях. Убивать пойманную добычу нужно было прямо в ловушке, после чего перевес освобождался и снова натягивался. Особое значение имело время охоты: ловля уток осуществлялась строго в вечерний и утренний периоды, по темноте, когда слабый свет от заката или рассвета не позволял птицам заметить натянутую ловушку.

Помимо охоты и покоса женщины из рассматриваемой семьи занимались земледелием. Вдова и ее невестка вскопали и засеяли огород в 25–30 гряд, убрали урожай картофеля, также они обихаживали скотину (у них имелись две лошади с жеребенком, три коровы и шесть овец), готовили ежедневно еду и по сезонам заготовки, следили за домом и дворовыми постройками (сараями, амбарами, погребом и прочим) [10, с. 81]. Хозяин убил в этот год несколько белок и одну выдру [10, с. 81]. Конечный годовой доход семьи включал в себя: «...орех 80 руб., дрова на пароход – 3–4 ½ руб. и 2 руб., выдра – 85–86 руб. 50 коп. деньгами; запас на год картофеля, соленого утиного мяса, корма скотине и дров; пух и перо с уток и беличьей шкурки были спрятаны дочери в приданое» [10, с. 81]. Дополнительной помощью стали полученные из казны 18 пудов ржаной муки и 6 пудов ячной крупы. В результате по соотношению занятости оказалось, что мужчина проработал шесть месяцев (и за всю зиму хозяин трудился всего два месяца), а женщины помимо домашних забот имели постоянное занятие весь год.

Разделение обязанностей и в более зажиточных, и в более бедных семьях проходило примерно в той же пропорции. В состоятельной семье торговцев мать и ее две дочери 20 и 13 лет сдавали за 36 руб. в наем дом в две комнаты с кухней, содержали в порядке свою избу и большое количество надворных построек; кормили и обихаживали помимо домашней птицы пять лошадей, четырех коров и пару свиней [10, с. 82]. Мать ловила уток, полученные пух и перья продавала (однако стоимость их С. П. Швецов не смог выяснить). Семейство также выезжало зимой с товаром в с. Самарово, за три поездки выручив 40 руб. [10, с. 82]. И хотя

они считались одной из самых трудолюбивых семей в городе, отец и двое сыновей не занимались ни орошением, ни охотой, промышляя лишь рубкой дров, рыбной ловлей и торговлей с остяками. Средства, заработанные на сделках с инородцами, мужчины спускали на водку, рассчитывая на казенное продовольствие и на заготовленные при помощи огородничества запасы [10, с. 82].

В семье мещан из казаков, имевшей более низкий доход, чем у двух упомянутых ранее, ситуация сложилась еще хуже [10, с. 82]. Пока две взрослые дочери и их мать находили себе занятия ежедневно, старик-отец почти все время бездельничал и валялся на кровати. Из дома он выходил только изредка (чтобы поторговать с остяками и съездить по дрова в урман). Одна дочь уехала на заработки в Томск и помогала посылить деньгами (10 руб. в год), вторая с матерью занималась большим домом, огородом и рукоделием [10, с. 82].

По итогу исследователь резюмировал: «Положение женщины очень тяжело: все домашние и многие другие работы лежат на ней, и она с утра до ночи не имеет отдыха; в ее жизнь не проникает ни одного луча света, могущего хоть сколько-нибудь скрасить ее. Взрослые дети поставлены несколько лучше: сыновья, находясь большей частью вне дома, ведут сравнительно независимую жизнь; девушки же вполне разделяют участь матери» [10, с. 107].

Достоверность воспоминаний ссыльных подтверждают и статистические показатели. Окружной врач В. Е. Клячкин, опросивший в 1890 г. в рамках санитарного исследования 621 сургутянку, выяснил, что большинство женщин считали своим главным занятием домашние работы (263 человек) [2, с. 303]. Еще 262 девушки жили за счет средств родственников, 37 опрошенных работали прислугой, 15 – скорняжничали [2, с. 303]. Кроме того, 6 человек указали в качестве основной деятельности рукоделие, 2 женщины получали жалование на государственной службе, 1 занималась торговлей, также отметились 2 прачки и 1 повитуха [2, с. 303]. В качестве ответа вариант «без обозначения» выбрали 32 девушки [2, с. 303].

Можно заключить, что женский труд играл довольно значимую роль в системе хозяйственной жизни Тобольского Севера в конце XIX в. Он включал в себя не только традиционно «женские» занятия, такие как ведение домашнего хозяйства, пошив одежды, огородничество и уход за скотом, но скорняжный и кожевенный промыслы, печное ремесло, охоту и торговлю. Усугублял постоянную занятость «невидимый» и не учитываемый труд по воспитанию детей и обеспечению благополучия всех членов семьи.

В сравнении с мужской занятостью, носившей зачастую сезонную специфику, работа женщин продолжалась круглый год, при этом их сфера деятельности постоянно расширялась, охватывая новые занятия и ремесла. Так, женщины на Севере, опровергая патриархальное мнение о себе как о слабом и неразумном существе, стоящем ниже мужчин, были вынуждены взять на себя часть мужских функций, на равных (а порой и лучше) выполняя сложную и тяжелую работу.

Литература

1. Исаев А. А. От Урала до Томска // Вестник Европы. 1891. Кн. 9. Т. 5. С. 55–87.
2. Клячкин В. Е. Санитарный очерк города Сургута Тобольской губернии // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвертый. Томск : Типолитография П. И. Макушина, 1894. С. 269–339.
3. Милевский О. А. Политическая ссылка на Тобольский Север 1860–1890-х годов: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень : Аксиома, 2017. 132 с.
4. Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки ЗСО РГО. Омск, 1903. Кн. 30. 398 с.
5. Просвиркина В. В. Женщины-предпринимательницы на территории Тобольской губернии (1863–1917 гг.) // Бизнес. Общество. Власть. 2024. № 3–4 (53–54). С. 138–144.
6. Рощевская Л. П. Политические ссылки 70–80-х годов XIX века в Тобольской губернии : дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 511 с.

7. Седельникова Н. А. Система женского образования в Сибири во второй половине XIX – начале XX века: на примере Тобольской губернии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (70). С. 140–150.

8. Скачкова Г. К. Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй пол. XIX – нач. XX вв. : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 22 с.

9. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 60: Тобольская губерния: ... по сведениям 1868–1869 годов / обраб. ред. В. Зверинским. СПб. : Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1871. ССLXXII, 196 с.

10. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. : Л. П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург : Средне-Уральское книжное изд-во, 1998. 430 с.

11. Цысь В. В., Цысь О. П. Женское образование и женщины в образовании на Тобольском Севере в XIX – начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 78–87.

Раздел II
СИБИРЬ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

УДК 371(091)(571.121)

**Формирование системы контроля за работой школ
Ямало-Ненецкого национального округа в 1930-е годы**

Кирилюк Д. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В исследовании проанализирована деятельность органов власти Ямало-Ненецкого национального округа по совершенствованию системы контроля за работой школ в 1930-е годы. Доказательная база работы основана на материалах Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, а основными методами работы с этими источниками выступили общенаучные методы анализа и синтеза, а также историко-генетический метод. С их помощью выявлены проблемы обеспечения школьного образования региона руководителями, школьными инспекторами, вопросы финансирования, количества и качества проверок работы местных школ.

Ключевые слова: Ямал, отдел народного образования, школа, учитель, школьный инспектор, командировка, проверка, система контроля

**Formation of control system over the work of schools
of the Yamal-Nenets national okrug in the 1930s**

Kirilyuk D. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The study analyzes the activities of the authorities of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug to improve the control system over the work of schools in the 1930s. The evidence base of the article is based on the materials of the State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, and the main methods of work with these sources are general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the historical and genetic method. They are used to identify the problems of providing school education in the region with principals, school inspectors, issues of financing, quantity and quality of local schools' inspections.

Keywords: Yamal, Department of People's Education, school, teacher, school inspector, business trip, inspection, control system

Организация качественной работы учреждений школьного образования неразрывно связана с системой мониторинга основных показателей их деятельности. В 1920–1930-е гг. положение дел в сфере народного образования на разных территориях Советского Союза значительно отличалось. Наиболее сложным оно было в удаленных регионах, не обеспеченных необходимыми транспортными коммуникациями, таких как Ямало-Ненецкий национальный округ. До настоящего времени эта проблема не нашла полного отражения в региональной историографии. Существуют лишь отдельные научные публикации, среди которых особенно следует выделить труды нижневартовской исследовательницы Л. В. Алексеевой [1, 2].

Отличительной особенностью развития школьного дела на данной территории было то, что оно осуществлялось на огромной территории с исключительно сложными природно-климатическими условиями и фактически с нуля. Школьная сеть Ямало-Ненецкого национального округа начала формироваться именно в 1930-е гг. К примеру, в 1930 г. в регионе функционировало всего 5 школ, а уже в 1940 г. их численность возросла до 46 [3, л. 1; 4, л. 2],

то есть более чем в 9 раз. Нужно согласиться с утверждением Л. В. Алексеевой о том, что двумя главными причинами быстрого увеличения числа ямальских учебных заведений в это время стало появление в регионе в начале 1930-х гг. большого числа спецпереселенцев, а также определенные успехи в создании письменности для коренных народов региона (ненцев и ханты) [2, с. 168–172], что актуализировало потребность и дало возможность обучать детей данных социальных и этнонациональных групп населения. Это же обстоятельство впервые поставило перед местными властями и проблему создания эффективного контроля за деятельностью новообразованных школ.

Для достижения данной задачи Ямало-Ненецкий окружной отдел народного образования (окроно) стремился, прежде всего, укомплектовать квалифицированными кадрами аппарат окроно, Салехардского городского отдела народного образования, а также районных отделов народного образования. Однако, как показала практика, сделать это в условиях региона было чрезвычайно сложно. К примеру, в 1935 г., спустя 5 лет после образования Ямало-Ненецкого округа, региону срочно требовались 4 заведующих районными отделами народного образования [3, л. 4]. Учитывая наличие в округе в указанное время 6 районов, это означало, что на местах не могли найти руководителей на 75 % территории края. Данная неестественная ситуация продолжалась в течение целого ряда лет. Так, из докладной записки по итогам 1937/38 учебного года следует, что до февраля 1938 г. ни в одном из районов округа не имелось заведующих отделами народного образования, а инспекторов районо не имелось и к лету того же года [3, л. 10].

К концу 1930-х гг. местным властям все же удалось укомплектовать систему образования края более компетентными руководителями. В 1941 г. новым заведующим Ямало-Ненецким окроно стал Михаил Митрофанович Броднев, который, по его собственным воспоминаниям, сменил на этом посту не имевшего даже среднего образования тов. Марамыгина. Но и он сам честно признавался, что плохо разбирался в «тонкостях педагогики» [6, с. 115]. Помимо этого, в 1940/41 учебном году подавляющее большинство заведующих районными отделами народного образования не имели педагогического образования, поэтому не могли «по-настоящему вникнуть в работу школы», объективно проанализировать ее состояние, текущие и перспективные потребности. Не обладая необходимыми знаниями в области образования, они предпочитали заниматься организационно-хозяйственными вопросами, рассчитывая, что контроль над учебно-воспитательной деятельностью подведомственных им школ будут осуществлять школьные инспектора [3, л. 3].

Настоящая проблема заключалась в том, что в округе в 1930-е гг. имелись также неразрешимые трудности в комплектовании местных отделов народного образования кадрами инспекторов. Так, в 1935 г. в Ямало-Ненецком национальном округе недоставало 5 школьных инспекторов [3, л. 4]. В 1937/38 учебном году в штатах районо по-прежнему отсутствовали собственные школьные инспектора [3, л. 10]. К концу 1930-х гг. количественный дефицит кадров инспекторов, судя по имеющимся документам, в регионе был в целом преодолен. В штате Ямало-Ненецкого окружного отдела народного образования уже работали два школьных инспектора, а в районных отделах – по одному специалисту [4, л. 26]. Вместе с тем, сохранялись большие претензии к уровню квалификации имевшихся в округе инспекторов. К примеру, в 1941 г. в докладной записке заведующего окроно М. М. Броднева открыто говорилось о том, что инспекторский состав «не отвечает своему назначению» [3, л. 7].

Одним из единственных инспекторов, чья работа заслужила положительной оценки со стороны Ямало-Ненецкого окроно в 1940/41 учебном году, была инспектор Надымского района тов. Арова, которая сумела накануне войны обеспечить систематический контроль за работой учителей, осуществляя постоянное наблюдение за их деятельностью. Но даже она в свою очередь была подвергнута критике со стороны окроно за отсутствие чувства такта. Инспектор позволяла себе кричать на учителей, чем вызвала их неоднократные жалобы [3, л. 3]. С положительной стороны была охарактеризована деятельность инспектора Пономаревой, добивавшейся выполнения приказа о контроле за работой школ и борьбе с очковитательством [4, л. 8].

Окружные власти стремились исправить сложившееся положение, заменить наиболее слабые кадры школьных инспекторов более опытными сотрудниками из числа работников местной системы народного образования. К примеру, накануне Великой Отечественной войны на работу инспектором окроно предполагалось перевести заведующего учебной частью Салехардского педагогического училища Стопкевича, а на его место выдвинуть другого работника этого учебного заведения – Иванова, «вполне подготовленного для заведования учебной частью» [3, л. 7–8], что и было осуществлено в 1941 г. [4, л. 69].

Однако закрыть все потребности в данных специалистах в предвоенный период возможности не представлялось. Быстро развивавшаяся школьная сеть Ямала требовала расширения и состава местных отделов народного образования. К примеру, заведующий Ямальским районом тов. Шашков тщетно добивался в начале 1941 г. открытия в подведомственном ему отделе ставок инспекторов для помощи культурмейцам и по политпросветработе [5, л. 3].

Более того, как указывают документы, даже наличие достаточного количества школьных инспекторов в Ямало-Ненецком национальном округе не гарантировало качественный контроль за работой местных учебных заведений. Второй серьезной проблемой в организации данной деятельности было финансирование отделов народного образования края. В 1941 г. заведующий окроно М. М. Броднев в своем отчете с горечью сообщал о том, что бюджет за 1940 г. на Ямале был выполнен на 99,5 %, существовали статьи расходов, например, где итоговый показатель составлял 103,2 %, тогда по просвещению он был выполнен только 96,3 %. Все это происходило «при крайней нуждаемости» местных учебных заведений, поэтому данный руководитель замалчивать подобный «безобразный факт» отказался [4, л. 2].

Как указывают отчеты Ямальского окроно, в 1930-е гг. в регионе существовала острая нехватка средств по статье «командировочные расходы». Отпускаемые на эти цели ассигнования были столь малы, что обычно заканчивались уже в первой половине года, лишая аппарат окроно возможности бывать на местах [3, л. 7]. Особенно ощутимым недостаток средств был в бюджетах конкретных районов. Например, в Шурышкарском районе на первый квартал 1941 г. было запланировано на командировки школьного инспектора 300 руб., тогда как проезд до одной только Куноватской школы стоил около 100 руб. [4, л. 85]. В целом по округу требовалось увеличение ассигнований на командировки не менее чем на 10–12 тыс. руб. [3, л. 7].

Следствием сложившейся ситуации стал крайне слабый контроль органов народного образования края за деятельностью местных школ. В отчетах и докладных записках окроно накануне Великой Отечественной войны неоднократно говорилось о том, что для эффективного руководства школами необходимо, чтобы инспектор окружного отдела народного образования хотя бы один раз в год посещал школу, чего в 1930-е гг. в округе добиться не удалось. Более того, в реальности в эти годы многие ямальские учебные заведения не посещались проверяющими специалистами годами. К примеру, во второй половине 1937 г. инспектора окроно из-за отсутствия средств в первой половине года могли осуществлять контроль за работой только школ окружного центра – пос. Салехарда, а также трех близлежащих районных школ – Новопортовской, Аксарковской и Товопогольской. И лишь после февраля 1938 г. одному из инспекторов удалось обследовать 14 школ [3, л. 10].

В последующие годы быстрого перелома в решении данного вопроса добиться не удалось. Так, по состоянию на 1938 г. не проверялась в течении нескольких лет работа Щучьереченской школы Приуральского района, вследствие чего школа была «предоставлена сама себе» [3, л. 82]. В 1941 г. и вовсе выяснилось, что Гыдоямская школа была впервые посещена инспектором окроно, несмотря на то, что существовала к этому времени уже 5 лет [3, л. 7]. Аналогичная картина наблюдалась и в организации проверки инспекцией окроно других северных школ Ямальского и Тазовского районов [4, л. 3]. Сами же руководители народного образования данных районов также сетовали накануне Великой Отечественной войны на отсутствие либо задержку средств на инспекторские проверки учебных заведений, что в отдельных случаях грозило срывом их работы [5, л. 4–5].

В условиях существования столь очевидных недостатков организации системы контроля за учебными заведениями Ямало-Ненецкого национального округа единственной оста-

вавшейся у местной системы народного образования возможности контроля в данной сфере была добросовестная работа директоров и заведующих школами. Однако и по отношению к их деятельности у школьного руководства округа имелись многочисленные претензии.

Несмотря на рост уровня квалификации местных педагогических кадров в 1935–1940 гг., он все равно оставался довольно низким. К примеру, в 1935 г. из 84 педагогических работников только 6 специалистов (7,1 %) обладали высшим образованием [3, л. 4]. Учитывая тот факт, что в регионе в это же самое время работали 29 школ [3, л. 1], это означало, что в подавляющем большинстве из них даже в должности директоров и заведующих школами отсутствовали руководители с высокой квалификацией. В 1940 г. ситуация не только не изменилась, но и имела тенденцию к ухудшению. Из 214 педагогов лишь 14 человек обладали высшим образованием [4, л. 84] (6,5 %), что вновь было существенно меньше, чем общее число местных школ (46 заведений).

Прямым следствием этого были и серьезные недостатки в работе многих руководителей ямальских школ. Ярким примером положения дел с кадрами в школьном образовании края в конце 1930-х гг. была Щучьеречинская школа Приуральского района. Ее заведующая тов. Кичигаева, как указывалось в материалах проверки школы со стороны инспектора окроно тов. Шимановской и заведующей районо тов. Дмитриевой, была назначена руководителем сразу «со школьной скамьи» и не была достаточно инструктирована как нужно руководить школой. Не обладая необходимым опытом руководящей деятельности, тов. Кичигаева фактически с работой не справилась, уроки учителей своей школы посещала крайне редко, методические совещания не проводила, методические указания вышестоящих органов власти также в данном учебном заведении не проводились в жизнь [3, л. 82], то есть директорат ямальских школ на деле тоже мало способствовал эффективной работе общеобразовательных учреждений округа.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война еще более усложнила работу по организации системы контроля за общеобразовательными учреждениями Ямала. Уже к началу 1941/42 учебного года были существенно сокращены бюджеты местных отделов народного образования, что не могло не сказаться на результатах их деятельности. Так, были ликвидированы ставки школьных инспекторов в четырех районных отделах народного образования. Школьное руководство региона пыталось как-то противостоять данным тенденциям и потребовало увеличить в таком случае количество школьных инспекторов при окроно с двух до трех [4, л. 26], что свидетельствовало об обоснованных опасениях в снижении качества работы школ края.

В 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны начались мобилизации в Красную армию и руководителей школьного дела Ямало-Ненецкого национального округа. Были призваны на службу 6 директоров и заведующих школами [4, л. 38], а также один из лучших школьных инспекторов края – тов. Стопкевич [4, л. 70], что еще больше ослабило организационный потенциал местной системы народного образования. Продолжали в это время фиксироваться и случаи несоответствия ряда руководителей ямальских школ своей должности. Например, 1941 г. был снят с должности и отдан под суд директор Шурышкарской неполной средней школы тов. Корепанов за растрату средств, отпускаемых на питание детей и «как морально разложившийся». Был освобожден от заведования Гыдоямской школой за пьянство тов. Южаков [4, л. 38], что в очередной раз подтверждало реальное состояние дел в данных учебных заведениях накануне войны.

Подводя итог вышесказанному, важно подчеркнуть, что система народного образования Ямало-Ненецкого национального округа в 1930-е гг. находилась лишь в процессе своего становления. В короткие сроки в регионе были созданы десятки школ, число которых всего за пять лет увеличилось в девять раз, а количество педагогов в них – почти в три раза. Тем не менее, не имея собственной развитой материальной базы, а также длительных педагогических традиций, местные учебные заведения остро нуждались в организации эффективной системы контроля за их работой.

Накануне Великой Отечественной войны в округе с большим трудом, но удалось подобрать кадры руководителей местных отделов народного образования, а также небольшой штат школьных инспекторов, но так и не были решены проблемы с финансированием командировок в подведомственные учебные заведения. Это негативно отражалось на частоте и качестве проверок их работы. В 1941–1945 гг. в условиях трудностей, вызванных войной, задача организации эффективной системы контроля за деятельностью школ Ямала временно утратила свою актуальность для областных и окружной органов власти и была вновь поставлена уже во второй половине 1940-х гг.

Литература

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2006. 390 с.
2. Алексеева Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. 245 с.
3. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (ГАЯНАО). Ф. 98. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 9.
6. Липатова Л. Ф. «Сава луца» – хороший человек М. М. Броднев. Тюмень : Сити-пресс, 2008. 360 с.

УДК 94(47).084.6

Правовое регулирование деятельности специальных коллегий (1934–1938 годы)

Шкаревский Д. Н.

*ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме правового регулирования деятельности специальных коллегий. Автор пришел к выводу о постепенном расширении их компетенции. По его мнению, оно отличалось ведомственным характером. Это привело к фрагментированности правового поля и нарушениям норм материального и процессуального права.

Ключевые слова: советская юстиция, советский суд, специальные суды, специальная юстиция, специальные коллегии, спецколлегии

The legal regulation of the activities of special collegiums (1934–1938)

Shkarevsky D. N.

Military University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the little-studied topic of legal regulation of the activities of special collegiums. The author comes to the conclusion about the gradual expansion of their competence. In his opinion, it was characterised by departmental nature. This led to fragmentation of the legal field and violations of the norms of substantive and procedural law.

Keywords: Soviet justice, Soviet court, special courts, special justice, special collegia, special collegia

Тема сталинских репрессий относится к числу одной из наиболее сложных, ученые XX в. Обходили ее стороной. Даже в фундаментальном труде М. Кожевникова они удостоились лишь упоминания [13]. Современные исследователи фрагментарно описали их функционирование [9, 11, 12, 18, 19, 20]. Данная работа основана на привлечении опубликованных и архивных источников. Среди первых выделяется «История сталинского Гулага» [10]. Также использовались документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и Объединенном государственном архиве Челябинской области.

Специальные коллегии (СК) были созданы на основании двух постановлений ЦИК СССР от 10 июля 1934 г.: первое лишало Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) судебных функций, второе создавало Специальные судебные коллегии в составе председательствующего и двух членов суда для рассмотрения дел о государственных преступлениях, расследованных НКВД. Но эти постановления лишь примерно определяли их компетенцию. Соотношение дел в СК динамично менялось [3, л. 9]. Основную массу дел в специальных коллегиях составляли преступления, квалифицируемые по ст. 58-10 УК (антисоветская агитация). Их доля в СК Верховного суда РСФСР составляла: в 1935 г. – 58,1 %, в первом квартале 1936 г. – более 80 % [10, с. 253]. Данная статья толковалась судебными органами чрезвычайно широко [10, с. 239]. В качестве примера можно привести дело М., который «будучи членом ВКП(б), ... проводил среди коммунистов и комсомольцев троцкистскую контрреволюционную агитацию против строительства социализма, говоря, что “построение социализма в одной стране невозможно”, что “теорией можно как ложкой вычерпать Аральское море, попробуйте это сделать практически”». М. был осужден на 7 лет лишения свободы с поражением избирательных прав на три года [8].

Целью данной работы являлось определение компетенции спецколлегий, ее трансформация.

По мнению А. Кодинцева, спецколлегии рассматривали дела по следующим статьям УК РСФСР: 58, 59, 74, 79, 84, 108, 109, 111, 112, 116, 120, 143, 162, 164, 165, 166, 167, 169, 182 [11, с. 81]. Это существенно отличалось от той модели, которая была установлена постановлениями ЦИК от 10 июля 1934 г. Указанный список не являлся полным. Их компетенция не была статичной. В 1934–1938 гг. она расширялась.

Расширение их подсудности началось во второй половине 1934 г. в результате передачи на рассмотрение областных (краевых) судов дел народных судов. Например, им были переданы дела по закону 7.8. 1932 г., дела о бандитизме, грабежах, групповом хулиганстве, дела о должностных лицах (директоров совхозов, машинно-тракторных станций и др.). Например, в 1935 г. в СК ВС РСФСР доля дел по закону 7.8 составляла 10,6 % [2, л. 12]. Также их рост объяснялся увеличением количества дел об антисоветской агитации, вызванных убийством С. Кирова. К подсудности спецколлегий относились и дела по «закону 25.7» [14, л. 5]. Речь шла о постановлении ЦИК и СНК от 25 июля 1934 г. Оно вводило уголовную ответственность за преступления в торговле (обвешивание, обмеривание и т. п.). Санкция за эти преступления предусматривала лишение свободы на срок до 10 лет. Таким образом, специальные коллегии рассматривали не только антигосударственные (политические и против порядка управления), но и общеуголовные дела.

Их компетенция также регламентировалась ведомственными актами различной степени секретности. Во-первых, ряд актов расширяли компетенцию данных органов. Обычно такие документы направлялись вначале уголовно-правовой кампании. Так, директивное письмо № 13 Верховного суда СССР от 7 марта 1935 г. расширяло компетенцию спецколлегий, относя к их подсудности дела, связанные: с неправильным расходованием мобилизационного фонда; недоброкачественным выполнением заказов военного ведомства; невыполнением планов мобилизационного запаса и военных заказов; разглашением и с халатным отношением к хранению секретной и совершенно секретной переписки [10, с. 226].

Во-вторых, существовали акты, которые уточняли, разъясняли компетенцию СК. Как правило, подобные документы направлялись после завершения уголовно-правовых

кампаний и имели целью сократить количество рассматриваемых дел по определенным видам преступлений. Совместным циркуляром НКВД и Прокурора СССР от 27 ноября 1935 г. № 167 «О порядке направления дел по обвинению в подлоге партийных документов» и последующими разъяснениями к нему устанавливалось, что в спецколлегии должны направляться не все дела о подлоге партийных документов, а только те, «в которых одновременно имеются обвинения в контрреволюционной деятельности». Устанавливался упрощенный порядок рассмотрения таких дел.

Такая политика в сфере расширения – сужения компетенции СК создавала ситуацию неопределенности. Директивное письмо Верховного суда СССР № 25 от 31 мая 1935 г. констатировало, что спецколлегии принимали к своему производству неподсудные им дела о поджогах (ст. 58-9 УК) и по ст. 111 УК РСФСР [6, л. 114]. Отчет СК ВС РСФСР за 1935 г. отмечал, что спецколлегии нарушали подсудность и принимали к производству дела «об обычных должностных преступлениях» [3, л. 2 об.].

Нарушение правил подсудности фиксировалось вплоть до ликвидации специальных коллегий. Так, в 1938 г. на рассмотрение спецколлегий направлялись дела по ст. ст. 58-8 и 58-9 УК, подсудные военным трибуналам [4, л. 68].

В своей деятельности судьи СК ориентировались как на опубликованное, так и на секретное законодательство. Первое в 1934–1938 гг. существенно ужесточается. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1936 г. СК предоставлялось право применять новый вид наказания в виде заключения в тюрьму.

Изменения в УПК, распространившие упрощенные правила на дела о вредительстве, были внесены 14 сентября 1937 г., 2 октября 1937 г. максимальное наказание по делам о вредительстве было увеличено до 25 лет лишения свободы.

Большую роль в регулировании деятельности СК играли ведомственные нормативные акты различных степеней секретности. Они касались различных сторон функционирования СК. Выделялись акты Верховных судов СССР и РСФСР, Прокурора и Наркома юстиции СССР.

Директивы Верховных судов, как правило, касались вопросов толкования материального права, изменения процессуальных норм и правил направления дел. Важное значение имело Директивное письмо № 13 Верховного суда СССР от 7 марта 1935 г. Оно запрещало по делам о контрреволюционной агитации применять принудительные работы и условное осуждение. Предлагало дела с недостаточным количеством улик в отношении социально-опасных обвиняемых передавать на рассмотрение Особого совещания (ОСО) [10, с. 227].

Директивное письмо Верховного суда № 24 от 28 мая 1935 г. рекомендовало прокурорам при недостатке доказательств направлять дела в ОСО и запрещало делать указания на фашистскую деятельность подсудимых [6, л. 23].

Постановление 50 Пленума по докладу о деятельности СК ВС СССР за 1934 г. от 27 марта 1935 г. установило, что по закону 7.8. 1932 г. спецколлегии должны рассматривать только дела, в которых хищения социалистической собственности сопровождаются массовыми выступлениями, насилием, группировками [7, л. 32].

Ведомственные акты прокуратуры, в основном касались правил квалификации. Так, директива Прокурора СССР от 23 января 1935 г. требовала квалифицировать по ст. 58-10 УК дела об одобрении террористических актов «в отношении вождей партии и советского правительства». Групповые дела требовалось квалифицировать по ст. 58-11, 17-58-8 УК [16, с. 35].

Большую роль играли совместные акты Верховного суда и Прокуратуры. Они обычно ограничивали усмотрение суда, изменяли процессуальные правила и ориентировали судей на вынесение более суровых наказаний. Так, директива от 11 марта 1935 г. приказывала дела о грабежах с насилием заканчивать расследованием в 5-дневный срок, обвинительные заключения вручать за сутки до слушания дела в суде, передавать эти дела на рассмотрение в спецколлегии и рассматривать их в течение 3–5 дней. Их следовало квалифицировать по ст. 59-3 или по ст. 167-3 УК и «грабителей приговаривать к расстрелу» [6, л. 6].

Совместной директивой Верховного суда и Прокурора СССР № 5сс от 2.2. 1937 г. в СК было приказано направлять дела о преступлениях секретных сотрудников (осведомителей)

НКВД в случае необходимости применения к ним наказания свыше 5 лет лишения свободы. Их надлежало рассматривать по нормам постановления ЦИК и СНК от 10 июня 1934 г.

Циркуляры Прокуроров РСФСР и СССР направляли деятельность подчиненных прокуроров, определяя начало и завершение уголовно-правовых кампаний. Так, циркуляр Прокурора РСФСР № 33/с от 9 ноября 1937 г. требовал активизировать борьбу с «контрреволюционным вредительством» в области животноводства [17, с. 498].

Большую роль играли директивы Народного комиссариата юстиции СССР. Например, директива от 2 апреля 1936 г. № 21/с содержала «четкие и конкретные указания о практике работы» по делам об антисоветской агитации (ст. 58-10 УК) [1, л. 15].

Значение имели директивы НКЮ РСФСР. Например, приказ № 2сс от 14 января 1938 г. констатировал игнорирование директив СК от 16 и 26 сентября 1937 г., требовавших установить контроль по делам по ст. 58-7 УК. В результате в ряде случаев были вынесены приговоры, не соответствовавшие материалам дела. Нарком Я. Дмитриев потребовал под личную ответственность председателей СК установить контроль по этим делам.

Директива НКЮ РСФСР от 8 мая 1938 г. положила начало пересмотру дел колхозников и сельских активистов, осужденных СК за малозначительные (неконтрреволюционные) преступления.

В результате регулирования деятельности специальных коллегий отличалось фрагментированностью. Сотрудники СК о существовании многих ведомственных директив не знали. Так, ревизия СК Верховного суда Башкирской АССР, проведенная в начале 1938 г., установила, что «члены суда для рассмотрения этих дел назначаются без всякого подбора, с общими директивами по этой категории дел эти члены суда не знакомы».

Сотрудники не успевали отслеживать изменения директив. Например, 30 декабря 1937 г. Н. Крыленко и А. Вышинский издали совместный приказ № 33/с. Они потребовали рассматривать в СК дела по ст. 58-7 (вредительство), только расследованные органами НКВД [15, л. 1–18]. Но уже 29 мая 1938 г. А. Вышинским и Н. Рычковым был подписан новый приказ № 18с, отменявший приказ № 33/с. Он требовал все дела о государственных преступлениях рассматривать в СК.

С назначением Наркомом юстиции Н. Рычкова наблюдалась отмена ряда нормативных актов, в том числе в их части, изданных его предшественником. Например, в июне 1938 г. был отменен п. 3 директивного письма Верховного суда СССР № 13 от 7 марта 1935 г., требовавший передавать на рассмотрение ОСО дела об антисоветской агитации, по которым отсутствовали достаточные улики и доказательства [15, л. 34].

Итак, первоначально компетенция спецколлегий была достаточно узкой и предусматривала рассмотрение ряда государственных преступлений. Однако уже со второй половины 1934 г. их компетенции расширялись. Это происходило двумя путями: на основании законов или ведомственных актов и на основании решений самих органов юстиции (то есть был связан с нарушением правил подсудности). Второй вариант не поощрялся, но и жестко не пресекался. В связи с этим нарушение правил подсудности сохранялось на всем протяжении существования спецколлегий. Следует отметить, что СК ВС РСФСР неоднократно указывала на нарушение правил подсудности, установленных ведомственными актами и достаточно высокую долю «прочих» дел (в 1935 г. – 33,7 %), которые могли быть рассмотрены в судах общей юстиции.

Основную роль в правовом регулировании спецколлегий играли ведомственные акты. Они нередко подменяли нормы действовавшего законодательства, противоречили им. К тому же ведомственные акты часто изменялись, отменялись, заменялись новыми. Это способствовало фрагментации правового поля и возникновению различных противоречий.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 428. Оп. 3. Д. 24.
2. ГА РФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 3. Л. 12.

3. ГА РФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 6.
4. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 179.
5. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 18.
6. ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 75.
7. ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 76.
8. Доклад о работе Спецколлегии Актюбинского областного суда КазССР за период с июня 1936 г. по май 1937 г. // Государственный архив Актюбинской области. Ф. 13. Оп. 6. Д. 43. Л. 17–24. URL: <https://myaktobe.kz/archives/22308> (дата обращения: 01.05.2024).
9. Жаркой М. Э. Спецколлегии в судебной системе СССР: их роль и место в реализации карательной политики государства // Судебная система РФ. СПб. : Петрополис, 2009. С. 25–29.
10. История сталинского Гулага : в 7 т. Т. 1 / отв. ред.: Н. Верт, С. В. Мироненко. 2004. 726 с.
11. Кодинцев А. Я. Специальные коллегии Уральских областных судов как органы политической юстиции в 1935–1938 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 81–85.
12. Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е гг. Сургут : Изд-во СурГУ, 2016. 255 с.
13. Кожевников М. В. История советского суда. М. : ЮИ, 1948. 376 с.
14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 2.
15. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 8.
16. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 35–36.
17. Трагедия советской деревни : Коллективизация и раскулачивание / сост.: В. П. Данилов. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5. Кн. 1. С. 498–502.
18. Тязин Е. Н. Проблемы укрепления законности в СССР и деятельность специальных судебных коллегий краевых, областных судов и верховных судов автономных республик в 1937–1938 гг. : на материалах Мордовской АССР // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 67–74.
19. Шкаревский Д. Н. Деятельность Спецколлегии Верховного суда РСФСР // История государства и права. 2020. № 6. С. 34–39.
20. Шкаревский Д. Н. Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг. // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 257–265.

УДК 792.03

Развитие сети колхозно-совхозных театров в Западной Сибири в 1930–1940-е годы

Раздобреев О. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена динамика развития сети колхозно-совхозных театров в Западной Сибири в 1930–1940-е годы. Отмечено, что создание данного вида театров было связано с необходимостью культурного преобразования села. Колхозно-совхозные театры представляли собой постоянно действующие учреждения передвижного типа. Рост их количества сопровождался наличием целого ряда проблем, таких как недостаток финансирования, большой объем задач, сложные материально-бытовые условия осуществления деятельности. Намечившиеся положительные тенденции в организации работы колхозно-совхозных театров были прерваны начавшейся войной.

Ключевые слова: колхозно-совхозные театры, Западная Сибирь, динамика, проблемы, культурное преобразование села

The development of a network of collective farm and state farm theaters in Western Siberia in the 1930s and 1940s

Razdobreev O. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article describes the dynamics of the development of a network of collective farm and state farm theaters in Western Siberia in the 1930s and 1940s years. The author notes that the creation of these theaters was associated with the need for cultural transformation of the village. Collective farm and state farm theaters were permanent mobile institutions. The number of collective farm and state farm theaters in Siberia has been constantly increasing. At the same time, their activities were accompanied by a number of problems, including a lack of funding, a large amount of tasks, and difficult living conditions. The emerging positive trends in the organization of the work of collective farm and state farm theaters were interrupted by the outbreak of the war.

Keywords: collective farm and state farm theaters, Western Siberia, dynamics, problems, cultural transformation of the village

Колхозно-совхозные театры, как один из видов профессиональных театров, появились в СССР в начале 1930-х гг. в условиях необходимости активизации проведения культурно-просветительной работы в деревне. При этом, как отмечалось в материалах V Всесоюзной конференции ВЛКСМ (март, 1927), эта работа должна была вестись в русле выполнения политических задач и иметь «строгую классовую установку». Признавая важную роль искусства в системе культработы, итоговая резолюция конференции предлагала приблизить «различные виды искусства к массам молодежи» путем организации посещения театров, устройства специальных спектаклей, а также через организацию драматических кружков и театральных коллективов [1].

В то же время начавшаяся коллективизация сельского хозяйства требовала культурного преобразования всего села, поэтому искусство, как отмечалось в директиве «О развертывании искусства в социалистической деревне» (1933), должно было стать орудием борьбы «за реализацию основных задач партии и советской власти» [8]. Одним из направлений достижения поставленной цели стала организация специальных театров, ориентированных именно на проведение культурной работы в селе.

В марте 1934 г. Народным комиссариатом просвещения РСФСР было принято постановление «О развитии колхозно-совхозных театров», согласно которому должны были создаваться специальные театры для работы в сельской местности, 5 декабря 1934 г. было принято постановление СНК РСФСР № 1165 «О колхозных театрах», определявшее их как одну из основных форм развития театрального искусства в деревне. Колхозные театры получили статус передвижных театров, при этом местным исполнительным комитетам и Советам предлагалось предоставлять им надлежащие помещения для постановок, обеспечивать топливом и освещением, оказывать содействие в предоставлении транспорта для передвижения по районам и снабжении работников колхозных театров жильем, питанием, спецодеждой и материалами для постановок. Художественно-творческую помощь колхозным театрам должны были оказывать государственные театры крупных городов. Сами же колхозные театры, согласно постановлению, играли такую же роль в отношении самодеятельных колхозных театральных кружков [9].

Принятие документов, определявших условия деятельности колхозно-совхозных театров и их значение в борьбе за культурное преобразование села, способствовало увеличению количества передвижных театров по всей стране, в том числе и в Сибири. Достаточно сложно определить точное количество колхозно-совхозных театров в силу короткого периода существования многих из них и неполноты имеющихся источников, однако положительная динамика их прироста не вызывает сомнений. Так, по данным Т. В. Коваленко, на 1 января 1933 г.

в РСФСР было 43 колхозно-совхозных театра, а в 1934 г. их число возросло до 79 [7, с. 39]. Как указывала С. В. Зяблицева, в сезоне 1932–1933 гг. в РСФСР функционировало всего 23 колхозно-совхозных театра, но к концу 1938 г. их количество увеличилось до 277 [4, с. 93]. Несколько иные данные привела Н. О. Шлегель (Чикирева), утверждая, что в 1933 г. было создано 139 колхозно-совхозных театров, а в 1939 г. их было уже 265 [12, с. 257].

Расходятся сведения и о численности подобных театров в Западной Сибири. В частности, в ряде источников первым колхозно-совхозным театром в регионе назван созданный осенью 1933 г. передвижной театр драмы в Новосибирске [2], однако он гастролировал не только по деревням, но и по городам Западно-Сибирского края, что не позволило считать его в полной мере сельским театром [4, с. 92]. По мнению Л. Д. Прохоровой, к первым колхозно-совхозным театрам отнесены появившиеся в конце 1933 г. филиалы Новосибирского, Омского и Барнаульского городских драматических театров, а также открытые в 1934 г. Сталинский, Ордынский, Венгеровский, Каменский, Латгальский колхозно-совхозные театры и передвижной театр при Тюменском городском театре [10, с. 19]. Автор С. В. Зяблицева указала, что в 1934 г. в Западной Сибири действовало 4 колхозно-совхозных театра, а к 1940 г. их число увеличилось до 9: 4 – в Алтайском крае и по 2 в Новосибирской и Омской областях [5, с. 185].

Иные данные представлены в Справке управления театральными предприятиями о работе колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края за 1935 г., где отмечено, что к началу этого года в регионе было только 2 подобных театра, но к концу года их число увеличилось до 5. Колхозно-совхозные театры действовали в Новосибирске, Барнауле, Камне и Венгерове, свою специфику имел Латгальский национальный колхозный театр [3, л. 49–51]. Все эти театры были передвижными, стационарные колхозно-совхозные театры в крае отсутствовали.

Подобное несоответствие данных во многом объясняется реформированием административно-территориального деления Западной Сибири в 1930-е гг., когда одни и те же территории могли входить в разные годы в состав иных областей, что не дало возможности точного подсчета количества колхозно-совхозных театров в регионе в целом. Однако положительную динамику развития сети колхозно-совхозных театров можно проследить на примере образованной в 1934 г. Омской области, в состав которой входила и часть нынешней Тюменской области. В 1934 г. здесь были открыты Исиль-Кульский колхозно-совхозный театр, в 1935 г. – Ялуторовский, в 1936 г. – Называевский и Ишимский [4, с. 93].

В исследовательской литературе упомянуты также действовавшие в рассмотренный период на территории Западной Сибири Северный театр Омской области, Тюкалинский, Остяко-Вогульский, Томский, Черепановский, Кемеровский, Барнаульский, Бийский, Алтайский, Ойротский и другие колхозные театры. Все они либо создавались с нуля, либо возникали на базе стационарных городских театров. При этом Остяко-Вогульский театр, например, был создан в 1936 г. при местном Доме народов Севера как постоянно действующий национальный окружной самодеятельный театр, в который следовало «особенно привлечь ханты и манси» [6, л. 120–122].

В то же время анализ динамики развития колхозно-совхозных театров свидетельствует о том, что резкое увеличение их числа во многом было связано не только с ростом творческой инициативы советских граждан, но и со стремлением органов власти на местах выполнить директивные указания центрального руководства. Главным пунктом при этом было соответствие установленным плановым количественным показателям, а не вопрос качества работы театров или длительности их существования.

С самого начала своей деятельности колхозно-совхозные театры столкнулись со значительными трудностями в работе, обусловленными в первую очередь недостаточным финансированием. Директивные распоряжения Народного комиссариата просвещения РСФСР предписывали обеспечивать деятельность театров за счет бюджетов различных уровней, средств профсоюзов, колхозов, иных хозяйственных и общественных организаций, Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов, Всесоюзного Совета промысловой коопера-

ции [4, с. 94]. Однако на деле стабильным, хотя и недостаточным, оказывалось только бюджетное финансирование, тогда как иные источники поступления средств у театров практически отсутствовали. Введение в середине 1930-х гг. принципов хозрасчета в деятельность театральных коллективов еще сильнее ухудшило и без того шаткое положение колхозных театров, поскольку стоимость билетов в них была ниже, чем в городских театрах в 2–2,5 раза [4, с. 94].

Понятно, что в этих условиях невелика была и заработная плата работников театра. Согласно «Положению о колхозно-совхозных театрах» (1938), все они были разделены на две группы: ведущие и прочие, с разными окладами по каждой группе и выделенными в них категориях [14, с. 30]. В Западной Сибири к первой группе относились стабильно действовавшие театры, такие как Новосибирский, Томский, Ишимский, Ялуторовский и др., а ко второй группе начинающих театров были отнесены, например, Черепановский, Остяко-Вогульский, Кемеровский, Барнаульский и другие театры, зарплата работников которых была ниже, чем в первой группе [13, с. 88]. При этом заработная плата сотрудников в среднем колебалась в пределах 250–1 000 руб. [14, с. 30].

Указанное выше Положение устанавливало для работников театров в качестве обязательных видов деятельности не только постановку и показ спектаклей, но и организацию в деревне культурно-массовых и информационно-политических мероприятий. В связи с этим, как писал журнал «Колхозный театр» в 1935 г. о деятельности одного из колхозных театров, «при приезде в колхоз /театр/ разбивает своих людей на бригады: одни идут на конный двор, другие – в пекарню, в свинарник, в детские ясли, беседуют с колхозниками, знакомятся с недостатками их работы и в живой, увлекательной форме ... показывают необходимость борьбы с недостатками» [2]. В наказе Омскому колхозно-совхозному театру местное управление культуры также отмечало, что он должен «дать культурный отдых колхознику и помочь массовой работе и подготовке к весеннему севу» [5, с. 186].

При этом при столь интенсивной работе за довольно небольшую зарплату бытовые условия существования работников колхозно-совхозных театров оставляли желать лучшего. Негативную роль играло отсутствие стационарной базы театров, изначально создаваемых как передвижные. При плане 200–250 спектаклей в год коллективы постоянно гастролировали в сельской местности, выступая преимущественно на неподготовленных площадках. Организация переездов, поиски средств передвижения, горючего, транспортировка костюмов и декораций были возложены на сами театральные коллективы и их руководителей. «Не театр – русский табор. Толкать машину из грязи – вместе, заботы о пропитании – общие. Закидывать сети на рыбу? Это святое! Часть улова меняли на лук, соль, укроп к ухе. Остальное дети чистили и варили в больших ведрах, пока взрослые играли спектакль», – вспоминала о кочевой жизни Новосибирского колхозно-совхозного театра дочь его режиссера А. Рогачевского [8].

Но даже в этих чрезвычайно сложных условиях во многом на энтузиазме актеров, режиссеров, вспомогательного персонала колхозно-совхозные театры выполняли и перевыполняли поставленные планы. Например, только во второй половине 1936 г. ими были показаны спектакли в 33 районах Западной Сибири [10, с. 20]. В 1935 г. 5 колхозно-совхозных театров обслужили 42 района из 105 районов Запсибкрая, показав 848 спектаклей в 455 селах и поселках [3, л. 49–51].

К проблемам колхозно-совхозных театров Западной Сибири отнесена высокая текучесть кадров, во многом обусловленная низким уровнем зарплат при высокой интенсивности труда, слабая профессиональная подготовка актеров, постоянный контроль органов власти репертуарной политики театров и др. Следует отметить, что расцвет колхозно-совхозных театров пришелся на период массовых репрессий в стране, поэтому в документах нередко встречаются сведения об аресте работников театров. Все это не способствовало их продолжительному существованию. Многие из них, например, Северный театр Омской области или Остяко-Вогульский колхозный театр, действовали очень недолго [4, с. 93; 14, с. 31].

Однако справедливо будет отметить усилия советской власти и партийного руководства по совершенствованию организации деятельности колхозно-совхозных театров в конце 1930-х гг. К этому времени многие подобные театры обрели собственные площадки. Так, построено здание для колхозно-совхозного театра в Ишиме и летние сцены в других сибирских

городах [14, с. 31]. Постепенно увеличивалось финансирование театров, возрастала заработная плата сотрудников [14, с. 30–31]. Это способствовало увеличению численности персонала и созданию более качественных постановок. Всего к 1941 г. в Западной Сибири было не менее 25 театров, значительную часть из которых составляли колхозно-совхозные коллективы [11].

Можно предположить, что в дальнейшем колхозно-совхозные театры все больше приобретали бы статус полустационарных театров, имеющих постоянные здания и площадки в крупных населенных пунктах (городах и районных центрах), но выезжающих с показами в сельскую местность. Вероятно, со временем они превратились бы в стационарные театры, оставаясь самостоятельными или сливаясь с уже действовавшими. Но динамичное развитие этого вида театров было прервано с началом Великой Отечественной войны, когда задача культурного просвещения сельского населения отошла на второй план. Попытка восстановления колхозно-совхозных театров в послевоенный период не дала значительных результатов. Преобладающей формой связи театров с сельским населением станет их гастрольная деятельность, особенно усилившаяся в период целинной эпопеи 1950-х гг.

Литература

1. О постановке массовой культурно-воспитательной работы среди молодежи: стенографический отчет // V Всесоюз. конф. ВЛКСМ. 24–30 марта 1927 г. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1927. С. 430–434.
2. В село Земетчино приехал «Ревизор»: как в 1930-е колхозников приобщали к театру // Российская Газета. 09 декабря 2023. URL: <https://news.rambler.ru/community/51915249-v-selo-zemetchino-priehal-revizor-kak-v-1930-e-kolhoznikov-priobshali-k-teatru/> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 366.
4. Зяблицева С. В. Колхозно-совхозные театры как социокультурный феномен // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 91–95.
5. Зяблицева С. В. Театральный потенциал Западной Сибири в предвоенное десятилетие // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. № 3. С. 181–187.
6. Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (КУ «ГАО»). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310Ц. URL: https://u21912.na4u.ru/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=1760 (дата обращения: 15.10.2024).
7. Коваленко Т. В. Колхозно-совхозные театры в художественной жизни Юга России: опыт реконструкции // Культура и образование. 2023. № 2 (49). С. 37–50.
8. Новатор «в грузинских сапогах»: как в Новосибирске строили колхозно-совхозный театр // Сибкрай.ру. 2012. URL: <https://sibkrai.ru/news/4/409705/> (дата обращения: 15.09.2024).
9. О колхозных театрах : постановление СНК РСФСР от 05.12.1934 № 1165 // Консультант Плюс : [справочно-правовая система]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24231#O1bZkOURTAqEsj2A> (дата обращения: 14.09.2024).
10. Прохорова Л. Д. Формирование театральной сети в Западной Сибири (20–30-е гг. XX в.) // Омский научный вестник. 2005. № 1 (30). С. 18–22.
11. Театр и драматургия в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. 2009. URL: http://irkipedia.ru/content/teatr_i_dramaturniya_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009?ysclid=lfjfejgd88710953545 (дата обращения: 15.10.2024).
12. Шлегель (Чикирева) Н. О. Организация зрительской аудитории колхозно-совхозными театрами Западной Сибири (1933–1941 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). С. 256–259.
13. Шлегель Н. О. Принципы формирования репертуара колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1 (20). С. 87–89.

14. Шлегель Н. О. Создание материально-технической базы колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края в годы первых пятилеток // Омский научный вестник. № 2 (106). 2012. С. 29–32.

УДК 908(092)(571.122)+929:908(571.122)

Югорское краеведение: возвращение к истокам

Прищепа А. И.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка изучения процесса формирования краеведения как культурно-просветительской традиции духовного развития Югры. В ней нашел отражение вклад в локальную историю Севера Западной Сибири как просветителей конца XIX – начала XX веков, так и известных историков второй половины XX века. Особое внимание автор уделил представлению краеведов города Сургута, отмечая их вклад в формирование региональной исторической школы и инициирование научного исследованиями актуальных тем экономического и социально-культурного развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ключевые слова: краеведение, историческая наука, журналистика, источник, публикация

Yugra regional studies: return to the roots

Prishepa A. I.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article attempts to study the process of formation of local lore as a cultural and educational tradition of the spiritual development of Yugra. It reflects the contribution to the local history of the North of Western Siberia as enlighteners of the late XIX – early XX century. The twentieth century, as well as famous historians of the second half of the twentieth century. The author pays special attention to the presentation of local historians of the city of Surgut, noting their contribution to the formation of a regional historical school and the initiation of scientific research on topical issues of economic and socio-cultural development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra.

Keywords: local history, historical science, journalism, source, publication

Иван Прокопьевич Захаров оставил богатое творческое наследие. Библиографический указатель его публикаций различного жанра, как документального источникового, так и увлекательного публицистического характера, составленный сотрудниками Центральной сургутской библиотеки имени А. С. Пушкина Г. Н. Библой и Л. Г. Молоковой, насчитывает 188 страниц [2]. Его просветительская деятельность является продолжением той культурной традиции на севере Западной Сибири, истоки которой относятся к XIX – началу XX вв., связана с именами таких подвижников народного просвещения, как Хрисанф Мефодиевич Лопарев и Григорий Александрович Пирожников.

Дмитрий Сурков, заведующий отделом истории и этнографии Музея Природы и Человека, исследовавший жизненный путь Х. М. Лопарева, писал, что Хрисанф Лопарев родился в 1862 г. в с. Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск), в бедной крестьянской семье, но сумел сделать блестящую научную карьеру.

Первоначальное образование он получил в местном училище. О продолжении учебы не могло быть и речи, поскольку у семьи не было средств. Однако по воле случая в 1873 г. ему удалось продолжить обучение в Тобольской гимназии.

Способный ученик окончил гимназию с серебряной медалью и получил право поступить в университет без экзаменов. Хрисанф Лопарев выбрал филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета, где увлекся историей отношений Руси и Византии. После окончания университета Хрисанф Мефодиевич работал в Министерстве народного просвещения и Православном палестинском обществе, где изучал и описывал древние рукописи. В 1892 г. он открыл считавшийся утерянным памятник древнерусской литературы – поэтическое произведение «Слово о погибели Русской Земли», написанное в начале XIII в.

Свою научную деятельность Х. М. Лопарев начинал в Обществе любителей древней письменности, затем – с 1896 г. в Императорской Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, где проработал 20 лет. Здесь он продолжил изучение истории Византии, а также и древнерусской литературы. При этом значительное внимание он уделял исследованию этнографии Сибири, являясь сотрудником музея этнографии и антропологии Академии наук, а с 1886 г. – членом Императорского Православного Палестинского Общества. В декабре 1907 г. Лопарев был избран членом-сотрудником Русского географического общества.

Всего за годы своей исследовательской деятельности Лопарев описал и привел в порядок 1 216 старинных рукописей и опубликовал более 100 научных трудов, достиг чина высшей номенклатуры России – статского советника. За время службы он был награжден пятью орденами.

Хрисанф Мефодиевич Лопарев написал книгу об истории своего родного с. Самарово, на жертвования жителей которого он смог получить образование. Сегодня его труд «Самарово, село Тобольской губернии и округа», стал настольной книгой краеведов и историков. Многие годы он посвятил собиранию самых разнообразных материалов о Самарово и называл себя CHRISANTUS LOPAREV SAMAROVENSIS. Хрисанф Лопарев умер 30 сентября 1918 г. в Петрограде, похоронили его на Смоленском православном кладбище [6].

Особое место в формировании традиции сургутского краеведения занимает Григорий Александрович Пирожников. Коренной сибиряк, родившийся 17 августа 1869 г. в сл. Усть-Ница Тюменского уезда Тобольской губернии, он успешно окончил Тобольскую духовную семинарию.

Его жизненный путь связан с Сургутом, где он проживал с 1903 по 1922 гг. и являлся сургутским уездным исправником. Проявляя заботу о культурном развитии его жителей, он был инициатором первого «культурного гнезда» в этом удаленном от цивилизационного развития северном поселении. В 1905 г. он инициировал создание в Сургуте при уездном Комитете попечительства о народной трезвости общественной библиотеки-читальни. Посредством использования «волшебного фонаря» ее посетителям демонстрировали световые картины, а наличие граммофона позволяло знакомить слушателей с некоторыми музыкальными произведениями. Такие встречи сопровождались игрой на скрипке и гармонии. Сохранился отчет о посещении избы-читальни Г. А. Пирожникова, который свидетельствует о том, что за период с 1905 по 1912 гг. ее посетило 14,5 тыс. человек. Среди них насчитывалось 4 366 представителей коренного населения [3].

Просветитель Г. А. Пирожников был увлеченным краеведом, обладавшим несомненным литературным талантом. Его вклад в изучение этнографии Севера Западной Сибири по достоинству оценивали авторитетные российские и зарубежные ученые. Являясь действительным членом Архангельского общества изучения Русского Севера, создателем коллекций Тобольского губернского музея и Томского университета, он был удостоен личной благодарности ректора «Сибирской Сорбонны» (Томского университета). Парижское географическое общество приняло решение о вручении Пирожникову французского ордена, но награда затерялась в бездонных петербургских канцеляриях.

К сожалению, при жизни талантливого краеведу не удалось издать содержательное исследование «Объ-Иртышский Север», в котором он мог бы концентрированно изложить свои наблюдения и научные выводы. Это было сделано позднее. Благодаря напряженной исследовательской и редакторской работе Ф. Я. Показаньева, материалы Г. А. Пирожникова были опубликованы в книге «Записки уездного исправника», вышедшей в свет в 2002 г. [4].

В ней воспроизведено подробное описание Г. А. Пирожниковым природы Среднего Приобья, образа жизни, занятий, промыслов, ремесел, обычаев, верований народов Севера Западной Сибири. Он воссоздал сохранившиеся повествования путешественников, посетивших эти удаленные места, суждения о них российских и зарубежных ученых, исторические портреты выдающихся общественных деятелей Тобольского Севера. Здесь же зафиксированы ранее неизвестные факты архивных документов об истории основания сибирских городов, социальной структуре и занятиях их населения.

Анализируя хозяйственный и культурно-бытовой уклад жизни аборигенов, Г. А. Пирожников показал социальные причины их вымирания, сформулировал задачи их цивилизационного развития, предложил пути просвещения и оздоровления коренных народов [3]. Он скончался 4 октября 1963 г. в Свердловске, похоронен на Ширококореченском кладбище.

Для югорского краеведения второй половины XX в. весьма значимой фигурой является Михаил Ефимович Бударин – уроженец Ишимского района, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Сибирского отделения Академии наук высшей школы Российской Федерации, писатель, драматург. Он начинал свой трудовой путь как журналист, объездивший Сибирь от Урала до Енисея, от Алтая до Карского моря. В ходе этих поездок М. Е. Бударин непосредственно накапливал впечатления, научные знания и эмпирический материал о прошлом и настоящем этой уникальной части России.

Работа в архивах позволила издать ему в 1952 г. содержательную книгу «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», а в 1971 г. защитить докторскую диссертацию.

Обладея незаурядным литературным талантом, Михаил Ефимович создал ряд художественных произведений, в основу которых были положены исторические события и сюжеты традиционного жизненного уклада северных сибирских народов. Писателю принадлежит авторство 16 книг. Среди них следует назвать рассказы и сборники «Сын племени ненянгов», «Где кочуют норд-осты», «Тайна забытого леса» и ряд других увлекательных публикаций. Он является автором четырех пьес: «Живой ключ», «Ермак», «Ущелье шаманов», «Сказание о Таре», которые вошли в репертуар театров Сибири и Урала. В 1963 г. на сцене Омского драматического театра режиссером Хигеровичем был поставлен спектакль «Ермак» по одноименной пьесе Бударина [1].

Одновременно в Тобольске работал другой яркий югорский краевед, историк и публицист – Юрий Пантелеймонович Прибыльский, который родился 19 апреля 1926 г. В 1955 г. он с отличием окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, а в 1966 г. – аспирантуру Омского педагогического института им. А. М. Горького. Начиная с 1961 г. вся творческая жизнь Ю. П. Прибыльского связана с Тобольским педагогическим институтом им. Д. И. Менделеева, в котором он прошел путь от ассистента до одного из наиболее авторитетных ученых Западной Сибири.

Ему принадлежит авторство и редактирование более 500 научных работ по истории Сибири, заложивших основы историографии изучения Севера в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и внесших значительный вклад в исследование развития традиционных рыбной и лесной отраслей экономики Югры. Три издания массовыми тиражами выдержала книга «Тобольск», написанная им в соавторстве с Д. И. Копыловым. Юрий Пантелеймонович является автором ряда статей «Большой Тюменской энциклопедии» [5].

Заметное место в плеяде югорских краеведов занимает родившийся в Салехарде Новомир Борисович Патрикеев – русский советский писатель, прозаик, журналист, краевед, действительный член Русского географического общества, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Он ушел из жизни в ноябре 2020 г.

Яркий след в изучении локальной истории края оставил уроженец Сургута, проживавший в Ханты-Мансийске, Валерий Константинович Белобородов – заслуженный работник культуры, краевед, редактор-составитель книг по истории Севера. Среди его публикаций особую ценность для изучения истории формирования краеведения в Югре представляет изданный им в 1997 г. библиографический указатель «Ученые и краеведы Югры» [7].

Наряду с И. П. Захаровым, краеведческую традицию югорских просветителей продолжали во второй половине XX в. Аркадий Степанович Знаменский, Флегонт Яковлевич Показаньев, Николай Иванович Ездаков, Галина Владимировна Кондрякова, Лилия Васильевна Цареградская, Валентина Васильевна Патранова, Анатолий Прохорович Зубарев, Алла Федоровна Ярошко, опубликовавшие интересные и ценные документальные материалы о развитии своей малой Родины. Каждый их сургутских журналистов в своих публикациях отразил актуальные проблемы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Их работы являются исследовательскими ориентирами научной деятельности профессиональных историков.

Таким образом, история и этнография Севера Западной Сибири имеет вековую краеведческую традицию. Она включает как имена выдающихся историков прошлого, так и ярких публицистов современности. Создание в последнее тридцатилетие в Югре региональной исторической школы является гарантией ее дальнейшего плодотворного развития.

Литература

1. Бударин Михаил Ефимович (1920–2003). URL: <http://Libomsk.ru> (дата обращения: 27.09.2024).
2. Иван Прокопьевич Захаров. Библиографический указатель. Сургут : [б. и.]. 2019. 188 с.
3. Павлов А. В. Сургутский старшина. О Григории Пирожникове // Мир Севера. 2007. № 1. С. 58.
4. Пирожников Г. А. Записки уездного исправника / ред.-сост. Ф. Я. Показаньев ; примеч. В. К. Белобородова. Сургут : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. 104 с.
5. Родился тобольский историк, краевед, писатель Юрий Пантелеймонович Прибыльский. URL: <http://www.prib.ru> (дата обращения: 27.09.2024).
6. Сурков Д. Ко дню рождения Хрисанфа Лопарева. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Ученые и краеведы Югры : библиографический словарь / сост.: В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова ; ред.: В. К. Белобородов, Э. П. Сургутскова; вступ. ст. В. К. Белобородова; послесл. Ю. П. Прибыльского. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 350 с.

УДК 947: 323

О судьбе имущества КПСС в Северо-Западной Сибири в период роспуска партийных структур

Сердюков Д. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Автор показал, как проходили в регионах Северо-Западной Сибири мероприятия по изъятию имущества Коммунистической партии Советского Союза в 1991 году. Именно августовские события запустили необратимый процесс уничтожения материально-технического фундамента партии. Ключевыми акторами власти на местах, участвовавшими в перераспределении партийного имущества стали советы народных депутатов. При этом активное участие советов, их исполкомов и президиумов в условиях отсутствия прозрачности процедур перераспределения партийного имущества не добавило им популярности в обществе. Приоритетным сценарием, в соответствии с распоряжением Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, виделось улучшение материального положения народных судов. Главным итогом передела собственности Коммунистической партии Советского Союза стала невозможность воссоздания компартии на прежней материальной базе.

Ключевые слова: Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), имущество Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), регионы Северо-Западной Сибири, здание горкома партии, районные и городские суды, советы народных депутатов, исполком, президиум

About the fate of the CPSU property in Northwestern Siberia during the dissolution of party structures

Serdyukov D. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The author showed how the events on the seizure of the property of the CPSU in 1991 took place in the regions of Northwestern Siberia. It was the August events that launched the irreversible process of destroying the material and technical foundation of the CPSU. The councils of People's Deputies became the key actors of local government involved in the redistribution of party property. At the same time, the active participation of the councils, their executive committees and presidium in the absence of transparency in the procedures for the redistribution of party property did not add to their popularity in society. The priority scenario, in accordance with the decree of the President of the RSFSR, was to improve the financial situation of the people's courts.

The main result of the redistribution of the property of the CPSU was the impossibility of recreating the Communist Party on the former material basis.

Keywords: The State Committee for Emergency Situations, the property of the CPSU, the regions of Northwestern Siberia, the building of the city committee of the party, district and city courts, councils of People's Deputies, the executive committee, the presidium

События поздней советской истории получили крайне драматичное развитие, стремительно меняясь от позитивных ожиданий горбачевской перестройки до распада КПСС и советского государства. Компартия поступательно прошла по пути ослабления своих позиций в условиях гласности и отказа от статуса руководящей силы, а августовские дни 1991 г. окончательно подорвали авторитет компартии и лишили ее материально-технической базы.

После ликвидации ГКЧП 24 августа 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачёв издал указ, в котором поручил советам взять имущество КПСС под охрану до дальнейшего рассмотрения этого вопроса в соответствии с законами о собственности и общественных объединениях [8]. В свою очередь 25 августа Президент РСФСР Б. Н. Ельцин опубликовал указ относительно имущества Коммунистической партии РСФСР, в котором объявил его государственной собственностью. Московские активы были переданы в пользование Совету министров и Президиуму Верховного Совета РСФСР [9]. Позднее, 3 сентября 1991 г., Российский Президент издал распоряжение за номером 32-рп о том, что суды имеют приоритетное право на получение партийных помещений в связи с тем, что располагаются в зданиях, не отвечающих требованиям судопроизводства [13]. Не исключено, что данное решение вышло у команды Бориса Николаевича как способ в условиях политической борьбы заручиться поддержкой судейского корпуса.

Председатель Тюменского облисполкома Леонид Юлианович Рокецкий 6 сентября своим распоряжением поручил исполнительным органам советов народных депутатов автономных округов, городов и районов области в срок до 1 октября осуществить передачу зданий (помещений) районных, городских комитетов компартии РСФСР (СССР) судам, размещавшимся в непригодных для осуществления правосудия помещениях. В приоритетный перечень для получения имущества попали 15 районных и городских судов «южной зоны области», 6 судов Ханты-Мансийского и 4 Ямало-Ненецкого автономных округов (таблица). Одновременно Леонид Юлианович продублировал президентские рекомендации о передаче судам автомашин, мебели, множительной, вычислительной и другой оргтехники и оборудования [3, л. 183, 184].

Таблица

**Перечень судов Тюменской области – получателей имущества
Коммунистической партии Советского Союза**

Южная зона области	Ханты-Мансийский округ	Ямало-Ненецкий округ
Аромашевский районный суд	Ханты-Мансийский городской суд	Лабытнангский городской суд
Вагайский районный суд	Ханты-Мансийский районный суд	Ноябрьский городской суд
Ишимский городской суд	Кондинский районный суд	Приуральский районный суд
Исетский районный суд	Нижневартовский районный суд	Ямальский районный суд
Омутинский районный суд	Советский районный суд	
Сорокинский районный суд	Урайский городской суд	
Тобольский городской суд		
Тобольский районный суд		
Тюменский районный суд		
Уватский районный суд		
Упоровский районный суд		
Юргинский районный суд		
Ялуторовский городской суд		
Ялуторовский районный суд		
Ярковский районный суд		

Примечание. Составлено по материалам источника [15].

Источники показали принципиальную позицию партийных руководителей в столь кризисной ситуации. Так вспоминал события 21 августа первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС Алексей Аркадьевич Рыбалов: «Утром я созвонился с партийными комитетами и строго-настрого приказал: никаких распродаж, разбазаривания партийного имущества. Сказал, что надо готовить архив и заниматься трудоустройством» [11].

Следует отметить, что в связи с финансовым кризисом от части имущества партийные комитеты в регионах отказались еще в начале 1991 г. Так, в январе это случилось с газетой «Ленинская правда», которая была печатным органом Ханты-Мансийского окружкома КПСС. После ее ликвидации окрсовет учредил газету «Новости Югры». Крупнейшие газеты «Сургутская трибуна» (г. Сургут) и «Ленинское знамя» (г. Нижневартовск) были переподчинены советам [6, 10]. Уже после ликвидации ГКЧП 24 августа Тюменский облисполком закрепил партийную газету «Тюменская правда» сначала за собой, а затем по просьбе коллектива – за областным советом народных депутатов [3, л. 178]. Аналогичная процедура ожидала и партархивы. Так, архив Тюменского обкома КПСС в конце августа передали в подчинение государственным архивным органам [7].

В целом на местах практика перераспределения партийного имущества оказалась весьма разнообразной. К примеру, президиум Тюменского горсовета весь жилой фонд областного и городского комитетов КПСС, находившийся в Тюмени, закрепил за собой на праве ведения [3, л. 185]. Аналогично поступили в Сорокинском районе, где президиум райсовета принял на баланс помещение райкома КПСС, две автомашины УАЗ-469 и оборудование. Все это имущество было передано в оперативное управление подведомственному исполнительному органу [3, л. 217].

На Ямале в соответствии с указами Президента РСФСР местные советы совместно с работниками милиции опечатали и организовали охрану зданий и помещений окружного, городских и районных комитетов компартии, а после инвентаризации передали это имущество органам исполнительной власти на местах [3, л. 249, 250, 255].

В муниципалитетах Ханты-Мансийского автономного округа местные власти творчески подошли к решению поставленной задачи. Например, 18 сентября 1991 г. городской совет народных депутатов Сургута принял решение закрепить за горисполкомом автомобили УАЗ-31512 и два ГАЗ-24. Ключевой объект – здание городского комитета партии (ул. Энгельса, д. 10) площадью более 800 квадратных метров – городской совет выменял у районного исполкома на семь квартир в жилых домах (ул. Мелик-Карамова, д. 37/1, ул. Московская, д. 55).

Также в расчет пошли два кабинета в здании горисполкома [5, л. 132]. Часть партимущества горсовет передал организациям и учреждениям Сургута. К примеру, редакции «Сургутская трибуна», хлебозаводу и городскому народному суду досталось по одной единице автотранспорта.

В целом в Ханты-Мансийском автономном округе передача имущества шла без конфликтов. Об этом достаточно подробно рассказывал в своем интервью последний руководитель окружной парторганизации А. А. Рыбалов. Так он описал те события: «В воскресенье, 25 августа, наши кабинеты опечатали. В понедельник, в моем присутствии, комиссия их вскрыла и осмотрела. От меня потребовали все документы, качающиеся ГКЧП, но отдавать было нечего: никаких секретных директив мы не получали. 20 сентября была закончена передача партийного архива в окружной государственный архив, а собственность партии передали на баланс советов. В общей сложности, вместе с горкомом партии, передали около тридцати кабинетов» [11].

Однако в процессе передела партийной собственности встречались и курьезные истории. Так, в Ханты-Мансийске приняли решение о передаче фондов библиотеки Дома политпросвещения окружной библиотеке, но там не оказалось места для политической литературы. Помещение Дома политпроса к этому времени уже занял городской отдел культуры, и город остался без единственной общественно-политической библиотеки [4]. Вот как вспоминал отдельные перегибы тех дней первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии А. А. Рыбалов: «Няганский горсовет и горком КПСС располагались в одном здании. Сейчас партийные кабинеты передали Совету. Мы были уверены, что вместе с кабинетами в новый штат перейдет и техничка, которая их убирала. Так нет же, партийная техничка не подошла советским функционерам. Они заявили, что возьмут другую» [11].

Самым резонансным в Ханты-Мансийском автономном округе оказался передел имущества Нижневартовского горкома КПСС. Сразу после принятия 25 сентября 1991 г. решения горсовета о передаче основного здания горкома (пр. Победы, д. 4) в полное хозяйственное ведение городского народного суда, раздела гаражей между горисполкомом, горсоветом, райисполкомом и горнарсудом, а также передачи иных материально-технических средств организациям города последовала протестная реакция первого секретаря Нижневартовского горкома КПСС А. В. Смирнова. Он попытался настоять на том, что указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. не касается Нижневартовского горкома партии, так как городские коммунисты не поддерживали ГКЧП, ни в чем противозаконном не участвовали, а деятельность свою горком лишь на время приостанавливал [2, л. 305, 308].

Однако его пыл охладил городской прокурор, пояснив, что решение об изъятии имущества принято в соответствии с президентским указом и отменить этот указ может съезд народных депутатов или Верховный Совет РСФСР. До этих пор необходимо исполнять указ в обязательном порядке [1, л. 196–198]. На этом попытки коммунистов Ханты-Мансийского автономного округа вернуть партийную собственность прекратились, и в суд А. В. Смирнов не пошел.

Формальную точку в вопросе имущества партии поставил Конституционный суд РФ в ноябре 1992 г. Неконституционными были признаны решения Президента РФ о национализации той части имущества, которая являлась либо собственностью КПСС, либо находилась в ее ведении, при этом права собственника не были определены документально. Это, например, членские взносы или доходы от издательской деятельности [12]. В остальном все споры по имуществу, собственником которого государство не являлось, предлагалось решать в судебном порядке.

Стоит заметить, что ближайший регион, где была предпринята попытка в судебном разбирательстве решить судьбу имущества КПСС – это Свердловская область. Там правопреемником бывшей свердловской Высшей партийной школы (ВПШ) – Уральским социально-политическим институтом (затем Уральская академия госслужбы) – в течение нескольких лет предпринимались попытки вернуть имущественный комплекс ВПШ, переданный еще в мае 1991 г. акционерному обществу «Технезис-Отель». История эта крайне показательна.

В 1993 г. дело было возбуждено по иску академии, в следующем году прекращено. В 1994 г. был повторный иск – и снова отказ. В 1996 г. осуществлена новая попытка, в 1997 г. дело передавалось от судьи к судье. И в 2000 г. суд окончательно отказал в удовлетворении исковых требований, признав государство ненадлежащим истцом в деле о партсобственности [14].

Как уже отмечалось ранее, закрепление партийного имущества за судами и местными советами являлось приоритетным сценарием органов государственной власти на местах. И лишь единичные примеры могут свидетельствовать о наличии желания власти помочь социальным организациям в решении их имущественных проблем в период роспуска партийных структур. К примеру, в сентябре 1991 г. в Нижневартовске оставшиеся после распределения крупных объектов недвижимости транспортные средства, мебель, оборудование, инвентарь и ковровые изделия были переданы детским садам и социально-культурным учреждениям [2, л. 305, 308].

Таким образом, августовские события 1991 г. запустили необратимый процесс уничтожения материально-технического фундамента КПСС. Ключевыми акторами власти на местах, участвовавшими в перераспределении партийного имущества, стали советы народных депутатов. При этом активное участие советов народных депутатов, их исполкомов и президиумов, в том числе на региональном и местном уровне, в условиях отсутствия прозрачности процедур перераспределения партийного имущества не добавило им популярности в обществе. Главным итогом проведенного органами государственной власти изъятия собственности КПСС была невозможность ее воссоздания на прежней материальной базе.

Литература

1. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. (АОАГН). Ф. 48. Оп. 1. Д. 816.
2. АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 947.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 7850а.
4. Косак А. Выселяют библиотеку // Новости Югры. 1991. 14 сентября. С. 1.
5. Муниципальное казенное учреждение «Муниципальный архив города Сургута» (МКУ «МАГС»). Ф. 3. Оп. 1. Д. 534.
6. О политической ситуации в округе. Из доклада второго секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС А. А. Рыбалова // Ленинская Правда. 1990. 23 октября. С. 3.
7. О партийных архивах : указ Президента РСФСР от 24.08.1991 № 83 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1157.
8. Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза : указ Президента СССР от 24.08.1991. № УП-2460 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1024.
9. Об имуществе компартии РСФСР : указ Президента РСФСР от 25.08.1991 № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.
10. Обращение Сургутского горкома партии // Сургутская трибуна. 1990. 23 июня. С. 1.
11. Патранова В. В. Мне стало ясно, что ждет партию, еще 20 августа. Из интервью с А. А. Рыбаловым // Новости Югры. 1991. 21 сентября. С. 4.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П // Собрание законодательства РФ. 1993. № 11. Ст. 400.
13. О неотложных мерах по улучшению работы судов РСФСР : распоряжение Президента РСФСР от 03.09.1991 № 32-рп. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/169> (дата обращения: 17.10.2024).
14. Яковлев П. Призрак недвижимости коммунизма // Известия. 2001. 19 августа. URL: <https://iz.ru/news/250573> (дата обращения: 17.10.2024).
15. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7850а. Л. 184.

УДК 069 (571.12)

Ялutorовский музейный комплекс в составе Тюменского музейно-просветительского объединения

Кутакова Е. А.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен Ялutorовский музейный комплекс, который вошел в состав Тюменского музейно-просветительского объединения в 2017 году. Кроме этого, можно узнать о задачах и целях Ялutorовского комплекса, о его деятельности.

Ключевые слова: Ялutorовск, музейный комплекс, просветительское объединение, деятельность Ялutorовского комплекса

Yalutorovsk museum complex as part of the Tyumen museum and educational association

Kutakova E. A.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. This article talks about the Yalutorovsky museum complex, which became part of the Tyumen Museum and Educational Association in 2017. In addition, you can learn about the tasks and goals of the Yalutorovsky complex and its activities.

Keywords: Yalutorovsk, museum complex, educational association, activities of the Yalutorovsky complex

В соответствии с распоряжением Правительства Тюменской области «О реорганизации государственных автономных учреждений культуры Тюменской области» было создано Тюменское музейно-просветительское объединение. В данное объединение входят: Тюменский музейный комплекс им. И. Я. Словцова, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, Ялutorовский музейный комплекс, Музейный исторический парк «Моя история».

Ялutorовский музейный комплекс расположен в Ялutorовске (Тюменская область) и посвящен участникам движения декабристов. С 3 апреля 2017 г. он стал Государственным автономным учреждением культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение», структурным подразделением «Ялutorовский музейный комплекс» (ЯМК) [1].

В состав музейного комплекса входят: краеведческий музей, мемориальный музей, музей «Дом природы», музей «Торговые ряды».

Первоочередные задачи Ялutorовского музейного комплекса:

- 1) способствовать расширению музейной сети Тюменской области;
- 2) выявлять, собирать, изучать, хранить и публиковать музейные предметы и музейные коллекции, сохранять и пропагандировать культурное наследие;
- 3) активизировать просветительскую, научно-исследовательскую и культурно-образовательную деятельность;
- 4) содействовать развитию сферы туризма в Тюменской области.

Музей периодически корректировал деятельность, создавая ее новые направления. Например, в 2019 г. приобретенной задачей для музейных сотрудников Ялutorовского музейного комплекса стало сохранение преемственности между поколениями, установление коммуникации между представителями разных культур и социальных групп. Так, музей стал частью социокультурной среды региона, но и активным организатором различных мероприятий. Это способствовало тому, что музеи Тюменской области заняли устойчивую и активную позицию в формировании социокультурной среды региона. Именно в этих условиях объединение материально-технических и финансовых ресурсов четырех крупных музейных учреждений расширяло их деятельные возможности и компетенции [3].

Многие проводимые выставки в ЯМК были рассчитаны не только на разновозрастные группы, но и на людей определенного возраста. Так, для детей дошкольного и школьного

возраста стали использовать такие формы: музейный урок, экскурсия, мастер-класс, театрализованные и костюмированные представления, игры, квесты, которые организовывались не только на базе музейного учреждения, но и непосредственно в дошкольном учреждении (табл. 1). При этом выставки в музее становились основной темой для таких мероприятий, например, через организацию «выставки в чемодане» [7].

Таблица 1

Программа мероприятий для детских садов в Ялуторовском краеведческом музее

Наименование	Описание мероприятия	Возраст
Музейный урок «Фронтовые реликвии»	Солдатские треугольники, военные документы, боевые и трудовые награды, фотографии и предметы солдатского быта, хранящиеся в фондах Ялуторовского музея. Узнают о боевом пути земляков, защищавших Родину	6+
Музейный урок «Волшебный сундучок»	Знакомство с историей русского народа, бытом, обычаями и традициями	0+
Мастер-класс «Точка, точка, запятая»	Техника точечной росписи поможет изготовить эксклюзивную вещь на любой ровной поверхности	0+
Мастер-класс «Волчок»	Из обыкновенной бумаги изготавливается волчок, который демонстрирует оптические эффекты	0+

Примечание. Составлено по материалам источника [2].

Одной из задач деятельности музея является привлечение посетителей на различные мероприятия. Так, в 2019 г. акция «Ночь в музее» стала массовым мероприятием для ЯМК, так как ее посетило 8 540 человек, по сравнению с акцией «Ночь искусств», которая собрала только 1 629 человек. Но в 2021 г. произошло изменение показателей посещаемости акций: «Ночь в музее» – 2 870 человек (6,9 % от общего количества посещений ГАУК ТО «ТМПО»), а «Ночь искусств» в период с 4 по 8 ноября – 12 735 человек (12 %). В 2022 г. мероприятия акций проводились на разных музейных площадках города. В 2022 г. в рамках данной акции на разных площадках прошло 20 различных по форме мероприятий, в том числе шоу-дефиле «RETROОстиль», что позволило увеличить посещаемость [5].

В 2020 г. проведено 628 экскурсий (621 – на платной основе и 7 – бесплатных), которые посетило 2 963 человека [4].

Организация выставок – одно из важных направлений деятельности ЯМК: в 2018 г. их запланировано 4, а организовано 6. В 2020 г. действовало 47 выставок, из которых 12 экспозиционных и 29 новых временных выставок. Эти выставки посетило 20 505 человек, из них 12 651 приходилось на льготные категории. С 2020 г. в практике работы ЯМК появилась новая форма организации – партнерские выставки, которые проводились другими участниками объединения. Первым партнерским проектом стала выставка «Поэзия кисти и резца» в музее «Торговые ряды» совместно с Союзом художников Тобольска и Тобольской художественной косторезной фабрикой, организованная при поддержке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. В 2021 г. подготовлена 31 выставка с использованием фондов ЯМК, в 2022 г. из 36 выставок новых было 22. Появилась практика привлечения экспонатов на выставки из фондов ГАУК ТО «ТМПО», а также частных коллекций. В рамках программы «Партнерские выставочные проекты» в ЯМК в 2022 г. организованы выставки «Урал Приполярный. Парнук» с привлечением экспонатов ГАУК ТО «ТМПО» (табл. 2).

Таблица 2

Динамика форм культурно-просветительской деятельности Ялуторовского музейного комплекса за 2017–2022 гг.

Вид мероприятия	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Экскурсии	1 734	*	1 525	628	*	2 550	2 550
Выставки	34	6	66	47	31	36	49

Примечание. Составлено по материалам источника [2].

Все мероприятия для детей дошкольного возраста проводились в увлекательной игровой форме, что позволяло доступно рассказать об истории родного края. В ходе мастер-классов ребята не только знакомились с процессом изготовления изделий, но и своими руками создавали подделки, которые впоследствии дарили своим родным [2].

Для более взрослой аудитории музейный комплекс предлагал два направления – это просветительская деятельность и организация культурной программы в ходе деловых встреч.

Музей стремится привлекать общественные организации к участию в своих мероприятиях. Так, в 2021 г. совместно с православным приходом Ялutorовского Сретенского собора открыта выставка «Дорога к храму», представившая экспонаты, рассказывавшие историю возрождения православия в Ялutorовске и строительства Сретенского собора. Большой интерес вызвали фотографии, на которых запечатлены моменты от закладки камня до окончания строительства храма, вещественные источники (иконы из фондов музея и принесенные прихожанами) [5].

Одним из важных направлений в деятельности музея является работа с представителями старшего поколения. Например, во втором полугодии 2020 г. пожилые люди совершили 12 293 посещения разных музейных мероприятий. Также ЯМК длительный период времени сотрудничает с общественной организацией «Университет старшего поколения», члены которой в 2019 г. побывали на экскурсиях по истории Ялutorовска 11 836 раз [4].

Вторым направлением в организации работы со взрослой аудиторией стала коммерческая деятельность музея. Как уже отмечено, в музее «Торговые ряды» местным предпринимателям были выделены помещения для организации деловых и рабочих встреч, семинаров, конференций, концертов и корпоративных вечеров. Здесь же проводятся такие необычные мероприятия для музейных учреждений, как вручение наград, выпускные балы, благотворительные акции, форумы и так далее. Все это позволило музейному комплексу, с одной стороны, решать задачу по популяризации ЯМК, а с другой – привлекать дополнительные средства на развитие музейного пространства.

В целом деятельность Ялutorовского музейного комплекса проводится в разных направлениях с учетом особенностей возраста, состояния здоровья, образовательных и просветительских возможностей. Показателем относительной стабильности развития ЯМК стало увеличение посещаемости различных мероприятий (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика посещаемости мероприятий
Ялutorовского музейного комплекса за 2019–2022 гг.**

Вид музейной услуги	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	общее число посещений	% от показателей ЯМК	общее число посещений	% от показателей ЯМК	общее число посещений	% от показателей ЯМК	общее число посещений	% от показателей ЯМК
Выставки 1-й раздел ГЗ	70 268	59	16 764	67	45 159	58	44 731	37
Выставки 2-й раздел ГЗ	7 252	6	1 896	8	8 312	11	7 980	7
Выставки вне ГЗ	14 791	12	1 845	7	8 259	11	38 888	32
Экскурсии	14 004	11,8	3 099	12,4	9 806	12,6	13 512	11,2
Культурно-массовые мероприятия	492	0,4	233	0,9	217	0,3	231	0,2
Посещение выставок вне музея	3 363	2,8	–	–	–	–	6 261	5,2
Культурно-массовые мероприятия вне ГЗ	8 691	7,3	1 163	4,7	6 303	8,1	9 563	7,9
Всего по ЯМК*	118 861	100/8,1	24 990	100/4,3	78 056	100/4,5	121 166	100/4,9
Всего по ГАУК ТО «ТМПО»	1 459 353	100	578 305	100	1 730 571	100	2 469 599	100

Примечание. Составлено по материалам источника [5].

По данным таблицы очевидно, что с 2020 г. динамика посещения пошла на спад, что связано с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. С началом снятия ограничений в 2021 г. динамика посещений мероприятий Ялуторовского музейного комплекса значительно улучшилось.

Общее число посещений ЯМК в 2020 г. составило 24 990 человек, из них 57,2 % приходилось на льготные категории (рисунок).

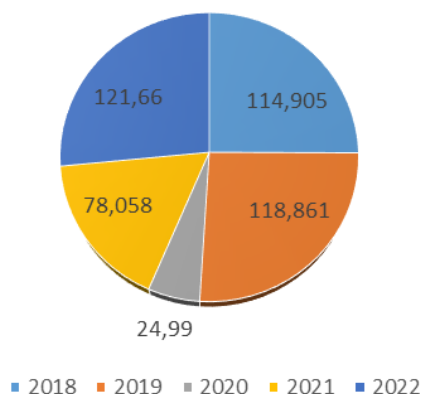

Рисунок. Динамика посещений Ялуторовского музейного комплекса в 2018–2022 гг., тыс. посещений
Примечание. Составлено по материалам источника [6].

Одной из наиболее популярных форм деятельности ЯМК являлись обзорные и тематические экскурсии. Так, в 2017 г. в ЯМК было проведено 1 734 экскурсии, что составило 17,4 % от общего количества по объединению на 2019 г. Также в рамках программы «Пушкинская карта» в 2022 г. реализовано практически 87 % экскурсий [6].

Важным направлением деятельности Ялуторовского музейного комплекса является пополнение фондов и работа непосредственно с артефактами. На фонды ЯМК в 2017 г. приходилось только 36,4 % от 841 тыс. экспонатов основного фонда Тюменского музейно-просветительского объединения. В 2019 г. основной фонд составил 36 394 экспоната, из которых 59,82 % было зарегистрировано в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации. В 2021 г. произошло увеличение основных фондов ЯМК на 502 единицы – 36 896, к 2022 г. в фондах находилось 37 455 предметов. В связи с этим одним из основных видов деятельности стало не только сохранение, но и комплектование музейных коллекций. В отчете 2021 г. указано, что фондохранилище оснащено специальным фондovým оборудованием. Также объединение занималось плановой реставрацией музейных предметов [5].

Научная библиотека ЯМК со временем стала не только центром активной культурно-просветительской деятельности, но уже в 2022 г. ее фонды насчитывали 8 083 единицы хранения, в том числе 2 843 книги из основного фонда редкой книги и 81 – из вспомогательного. Библиотеки объединения создали единый Экспертный Совет, состоящий из сотрудников музея Тобольска, Тюмени, Ялуторовска.

Музейные предметы основного фонда ЯМК с 2017 г. доступны для публичного осмотра, из них 27 тыс. экспонатов находятся в экспозиционных и выставочных залах общей площадью 938,9 м², а 9 тыс. экспонатов – непосредственно в местах хранения. Наблюдалось увеличение количества предметов, представляемых посетителям на разных мероприятиях: в 2018 г. – 8 777 предметов, 2019 г. – 8 717, 2020 г. – 19 103. Научными сотрудниками проводилась большая работа по обеспечению экспозиционно-выставочной деятельности: в 2019 г. из фондов выдано 3 037 экспонатов на проведение выставок и других музейных мероприятий, в 2022 г. – 3 769 предметов [6].

Таким образом, деятельность Ялуторовского музейного комплекса проводится в разных направлениях, а также с учетом особенностей возраста, состояния здоровья, образователь-

ных и просветительских возможностей. Показателем относительной стабильности развития ЯМК становится увеличение посещаемости различных мероприятий.

Литература

1. О реорганизации государственных автономных учреждений культуры Тюменской области: распоряжение Правительства Тюменской области от 08.12.2016 № 1402-рп // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://tiamz.ru/docs/rasp-o-georg.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).

2. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2018 год // Тюменское музейно-просветительское объединение : [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FdBvI8TjiYLgc31ZuDpwQvkk3SGUL5nT9oE%2B%2BEpNDGObc4r5ChyGWAQYQFMmcZ9DDq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=Отчет%20ГАУК%20ТО%20ТМПО%20за%202018%20год.pdf&nosw=1> (дата обращения: 12.12.2023).

3. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2019 год // Тюменское музейно-просветительское объединение : [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FdiAhKnW4Eofl7RgdBCuVt5JUKMH9l3xjQ0jzbihSudq47A%2FlsfGH134WytY4phOVq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=Отчет%20ГАУК%20ТО%20ТМПО%20за%202019%20год.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

4. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2020 год // Тюменское музейно-просветительское объединение : [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FCwOjAZ6t1DFszTTWuH1vERfVb%2FPSeo9wC%2FGbhenc1c8MFczROldZa8ZycG5EqDJq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=Отчет%20ГАУК%20ТО%20ТМПО%20за%202020%20год.pdf&nosw=1> (дата обращения: 12.12.2023).

5. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2021 год // Тюменское музейно-просветительское объединение : [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-mail%3A%2F%2F186336434582459108%2F1.4&name=Отчет%20ГАУК%20ТО%20ТМПО%20за%202021%20год.pdf&uid=1111550323> (дата обращения: 12.12.2023).

6. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2022 год // Тюменское музейно-просветительское объединение : [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2F1YntcdWuUPepKw5K7dTpviUOSVpXtAgWhjuSjY%2FfoxxwkuzV8H6RwGleS6dTFj8q%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=Отчет%20ГАУК%20ТО%20ТМПО%20за%202022%20год.pdf&nosw=1> (дата обращения: 12.12.2023).

7. Словарь музейных терминов : учеб.-метод. пособие / сост. О. И. Захарова. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. С. 211–215.

Сведения об авторах

Галлямова Лариса Васильевна – ассистент, аспирант, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Зяблицева Екатерина Юрьевна – студент, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Имасова Кристина Юрьевна – магистрант, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Кирилюк Денис Валериевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Кокшарова Марина Владимировна – студент, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Курносое Валерий Валерьевич – учитель истории, МБОУ СОШ № 22 имени Г. Ф. Пономарева.

Кутакова Екатерина Сергеевна – магистрант, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Прищеп Александр Иванович – д-р ист. наук, профессор, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Просвирина Валерия Владимировна – магистрант, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Раздобреев Олег Валерьевич – ассистент, аспирант, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Сердюков Дмитрий Васильевич – канд. ист. наук, доцент, БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Степаненкова Зоя Васильевна – канд. ист. наук, доцент, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет».

Шкаревский Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского».

Яковчук Вероника Артуровна – эксперт управления научно-исследовательских работ, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет».

Научное издание

«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова

Ответственный редактор
Веселов Севостьян Игоревич

Редактор
Л. М. Хисамутдинова

Верстка
Е. А. Мельниковой

Подписано для опубликования 26.02.2025. Формат 60 × 84/8
Уч.-изд. л. 7. Заказ 318/24

Оригинал-макет подготовлен
в Издательском центре СурГУ
Тел. (3462) 76-31-79

БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-31-00